

Борис Попов

Приятная неожиданность

Борис Попов

Приятная неожиданность

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Попов Б. В.

Приятная неожиданность / Б. В. Попов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Врач-травматолог не знал о Новгороде 11 века, куда он неожиданно попал, ничего. В одном был уверен – его прежняя профессия здесь не прокормит. И он взялся вертеться, как вор на ярмарке - стал делать то, что могло приносить деньги. И они появились. По сильной любви женился на красавице-богатырке. Кругом успех и удача! Словом, приятная неожиданность. И вдруг оказалось, что близок конец света...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	46
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1

Последнее время я тяготился своей работой. Каждый день брести ни свет, ни заря, на монотонную службу, где я знаю и умею все, выслушивать грозное начальство надоело, и, хотя жизнь моя устоялась, хотелось перемен. Вон у американцев считается удачливым человек, каждые пять лет меняющий место работы или вид деятельности. Опять же зарплата врача – травматолога не блещет. Карьерного роста нет и не предвидится. Последнее время, жена, науськиваемая тещей и подругами, взялась помыкать безответным мужем.

Мать ее злющая, меня ненавидит. Кстати, совершенно необоснованно. С каждым днем анекдоты про тещу все ближе и ближе моему измученному сердцу. Послать бы их обеих куда подальше, но квартиры у меня нет, и не предвидится, и купить не на что.

Взяток от больных не дожدهшься. Да я и не возьму, так как все что делаю, входит в мои профессиональные обязанности. А лечить лучше или хуже – не могу. Всегда сделаю все, что могу. И все равно – богатый или бедный. Как-то не жаден. В общем – абзац. Начало, как ни странно, положила субботняя поездка на дачу. Пока жена гнулась над клубникой, перекрикиваясь с соседкой через забор, я решил разжечь костерок и побаловаться чайком. Периодические выкрики супружницы, что надо чего-то там полоть, меня не вдохновляли. Вырастет, не вырастет – наплевать. Рынок возле дома. Живем, слава богу, в славный период товарного изобилия.

Разводя огонь, неожиданно вспомнил давнюю историю из прошедшей безвозвратно юности. Как-то поехали мы с другом за Волгу с девушками, по которым сразу было видно – интеллектом отнюдь неотягощены. Зато эротические намерения в сочетании с желанием отдохнуть просто горели на их молодых лицах. При переправе через реку, девушки успели похвастаться своими невиданными способностями: одна могла открыть пивную бутылку зубами, вторая уверенно это делала правым глазом. Огонь-девчонки!

На суше я подался в ближайший лесок с топориком в руках за дровами, быстро притащил всяческого валежника. Друг попытался разжечь костёр. Наслушавшись объективных причин неудачи и подивившись в очередной раз многообразию русского мата, отогнал его в сторонку. Нащипавши лучинок, последней, оставшейся после отчаянной попытки корешка добыть подарок Прометея, спичкой разжег костер. Да будет свет!

И он ударил. Плюс шум в ушах. Очнулся в какой-то нетипичной березовой роще – деревья стояли слишком густо и были чересчур велики и величавы. Подлесок превосходил все мыслимые пределы количества – прямо джунгли какие-то. Непривычный запах удивлял – прежде с таким не встречался. Было непривычно жарко – в Костроме это в редкость. У нас тут не Куйбышев, ставший опять Самарой, куда я каждое лето в детстве ездил к любимой бабушке на отдых.

Когда шум в ушах и головокружение унялись, огляделся. Лес, рядом речка. Ничего знакомого не наблюдается. Ну что ж, налицо потеря памяти. Пора бы уже выбираться из этой неожиданной катавасии.

Охота поесть, а все деньги были у жены. Как-нибудь доберемся. Мелькнули воспоминания детства о том, как был потерян родителем в свои десять лет в Москве. Пока я вышел из автобуса с народом на экскурсию в ГУМ, туристический транспорт с отцом отчалил. Врезалось в память доброе и пьяненькое в тот день его лицо. Промелькнула мысль: я вам не мальчик-с-пальчик, приду! Через два часа нашел гостиницу. Папа в номере, как раз решал, где меня искать в многомиллионном городе-герое.

Однако пора идти. Кое-как пробился на проселочную дорогу. Пора искать народ. Скоро встретил людей, с бородами и в странной обуви – в лаптях. Удивившись деревенской экстравагантности, спросил дорогу в ближайший населённый пункт.

– Это что ты так называешь? – Ну, деревня, город какой-нибудь – поражаясь сельской дикости, ответил я. – Кострома близенько – сказал ласково старший, сильно при этом окая. Подивившись старинному говору (мать рассказывала, что по нему когда-то отличали костромичей), я подумал – видно староверы, и бойко зашагал в сторону города, получать втык от жены за необоснованную отлучку.

По пути еще нужно придумать какую-нибудь отмазку. Правде она, конечно, не поверит. Пойдут ревнивые идеи о бесстыжих медсестрах и коварных практикантках. Слава богу, пока не стоит вопрос о моей половой ориентации. В отделении-то одни мужики. Попытался позвонить по телефону для предупреждения люлей. Верный нокиа написал: нет связи. Удивительно. Зарядка полная, денег на него я вчера положил, город рядом. Ну да ладно, разберемся дома или в ближайшем салоне связи.

Вошел в город. Нет, это не Кострома. Высоток не видно, столбов электропередач нет, асфальта нет. По улице бредут какие-то захудалые клячи с телегами. Позапрошлый век какой-то. Я уж этих лошадей тысячу лет как не видел, позабывать начал одних из лучших друзей человечества. Правда, дежурил как-то в травмпункте, притащили тренера с какой-то конно-спортивной секции, которого лошадь лягнула. Мифическую конную полицию, о которой прожужжали все уши газеты, ни разу на наших костромских улицах не встречал.

Это, похоже, какое-то гнездо староверов. Все прохожие одеты как-то странно и нетипично. По улицам телеги, пешеходы и ни одной машины. Самолетов не видно. Меня начали терзать смутные предчувствия.

И тут появился берег реки Костромки. На противоположном берегу увидел Ипатьевский монастырь. Перепутать его величественный образ с чем-либо было невозможно. Знал его с детства.

Где же я? Ноги мои подкосились, брякнулся на травку. Как мог сюда попасть? За какие-такие грехи? Тоска по прежней жизни подступила к горлу. Все путные мысли разбежались по закоулкам мозга. В голове ухал и визжал какой-то залихватский марш. Прошло минут десять, прежде чем разум заработал по-прежнему.

Первая же мысль была неожиданной. Наверное, я попаданец. Обычно переход во времени чем-то обусловлен: ударом по голове, смертью от рук врага и т.д. Я мирно запаливал костерок.

Нет этого, должен быть какой-то предмет: камушек, кольцо, зеркало, тащащий как пелось в давнишней песне через годы, через расстоянья... У меня – ничего. Хоть бы кирпич какой перед сегодняшним переносом нашел.

Если бы перекинуло во сне, и то как-то было бы понятней. Ляпнул сам неведомое заклинание, или подкрался гадкий кудесник и с неведомыми целями перенес себе мальчика на посылках: добыть обалденную девицу, необычайного коня златогривого, ну или банального Сивку-Бурку, молодильных яблочек на край, позабавить старика... Ничего!

Налечил бы погано, из-за нерадивости, халатности, глупости или гадкого характера, пьянки на работе – никогда! Всегда бодр, трезв, собран, внимателен. За тридцать с лишним лет – ни одной жалобы – ни устной, ни письменной. Оформил уже пенсию по стажу. Больные уважают, начальство ценит. Ни одного выговора. Почетными грамотами завален.

Вариант прижучить прошлым, а как сделаю правильные выводы, приволочу назад, маловероятен. Есть такой научный термин – стремящийся к нулю.

Сам попаданец обычно против меня орел. Всю жизнь он увлекается восточными единоборствами, служил в спецназе, десанте, сам высоченный красавец до 30 лет. Я против него вшивец. Средняя внешность, рост 172 см, возраст 58 лет. В общем – мистер Америка и зачуханный латинос.

Классический попаданец тут же заводит любовницу, с положением вплоть до княгинь, поражая испытанную разгульной и распутной жизнью бабу невиданной в средние века ловко-

стью в постели. Я всегда был и, надеюсь, – буду верен жене. Какая-то из высших сил явно обмишурилась.

Меня бы домой, в уютную больничку, поближе к любимой теще и замечательной жене, взрослым сыну и дочери. Там я уважаемый человек, меня любят больные, начальство ценит. А тут я не попаданец, а пропаданец какой-то.

Читал я о других попаданцах-врачах. Какого бы профиля он не был – терапевт, косметический хирург, обычный хирург – он все знает, все умеет, берется за любую операцию, знает все травы. У него никто никогда не умирает, все больные выздоравливают.

В мире, где я живу, даже у лучших врачей мира, у каждого, сделанное им кладбище: у хорошего – маленькое, у плохого – большое. Зато спасение больного именно тобой, кроме очень острых и внезапных состояний, типа – когда подавившемуся человеку взрезают горло и вставляют воздуховод – редки.

Замечательный немецкий врач и гуманист Альберт Швейцер на вопрос корреспондентов припомнить такие случаи, ответил, что такое было всего один раз. Был он на вызове в горах. Пришел, бедная хижина. Живут женщина и тяжелобольной мальчик. Врач переделал все что мог, состояние ребенка не улучшалось. Тогда мать сказала, что у них в горах исстари существует поверье. Если зарезать козла и намазать кровью животного больного, тот обязательно выздоровеет. Козлик в наличии. Швейцер осмотрел мальчика и попросил обождать. Утром состояние ребенка значительно улучшилось. Животину отвели обратно в загон, врач ушел. Жизнь парнокопытного была спасена.

Однако сильно хочется жрать, есть, кормиться. Проблема в отсутствии денег. Надо подумать о работе. Если попытаться заняться травматологией, то увидишь, что народу маловато. В двадцать первом веке в Костроме живет 200 000 человек, а здесь, похоже, в двести раз меньше. Травму за деньги пойдут лечить только бояре да купцы, а получают ее из них человек пять в год. На челядь всем наплевать. Умер от травмы – бог дал, бог взял.

Другие заболевания я лечить не возьмусь, так как не компетентен. Помню, сижу в поликлинике, гляжу на работу коллеги. Забегает терапевт, просит полечить его больного. Травматолог ласково отвечает, что в чужих специальностях не ориентируется. Вот и я также.

Ведь налечишь неловко, до смерти, особенно священника, потащат на пытки. Для завершения твоей бесовской карьеры – на кол. По мнению церковников, лечение не молитвой – это происки дьявола. И хоть весь город придет за меня просить, решение не изменится, церковь тут в большой силе. А у меня и креста-то сроду нет. Родители были атеистами, таким же вырастили и меня. Я и креститься-то толком не умею. В брежневскую пору атеистами были девяносто процентов населения.

С взятием власти борцами за гласность и демократию, народ обнищал, получку не платили, инженеры пошли добывать деньги торговлей, зачастую простыми продавцами. Ученые массово бежали за рубеж. Пенсии и заработная плата по сравнению с ценами стали просто мизерными. Мой отец, наш домашний поэт, в ту пору писал:

Я за хлебцем пойду за одним,
Погляжу на расценки с нолями,
И скажу – хрен бы с ним,
Нам не нужно колбаски салями.

Коммунистов отодвинули от руля. Народ разом лишился всей веры в коммунизм и капитализм, свободу и демократию, массово пошел в церковь.

Однако пора бы обедать. Ну даром не дадут, надо как-то заработать. Что же можно сделать для местного народа? Я решил не лечить. Лучше голодать, чем терпеть пытки. Остальные мои навыки, наверное, будут малопригодны в здешних условиях.

Поразительно интересная идея пришла в голову. Я же умею читать и писать, а это здесь, наверное, стоит денег. Пишет же народ много: письма, жалобы, договора, прошения. Опять же

приходит письмо или решение суда, а их надо прочесть. В общем, надо хоть как-то поработать и очень-очень быстро поесть.

Я вышел на рынок, вдохнул свежий запах навоза. За прилавками сидели продавцы. Одно место пустовало. Думаю, может человек куда отошёл. Посмотрел под торговым местом, товара не видать. Да. Прет, прет.

Веселый парнишка напротив, сказал, что хозяин в Ярославль за товаром ушел. Подумалось, что это близко, махом обернется. Обживусь – где-нибудь место арендую. На край, попрошусь рядом с кем-то на лавке посидеть или пообещаю отдать деньги попозже, когда заработаю. Что ж, попытаем удачи.

Сзади стоял чурбачок. Это хорошо. А то в мои-то годы долго и не выстоишь. Ну, как говорил последний генсек, главное – начать.

– А где товар? – спросил говорливый веснушчатый парень.

– Ничего нету – ответил я. – А чего делать можешь? – поинтересовался он. – Читать, писать, считать. – Экий ты ловкий! И швец, и жнец, и на дуде игрец. Я представил, как шью, жну, и дудю. Замысловато как-то. Ладно, милый друг, давай по делу. – А за место-то надо платить, или нет? – Обошли нас еще утром. Что ж, начало хорошее. Ну-с, батенька, покажем свои навыки. День бы шел томно, но уж очень охота что-нибудь съесть. Паренёк активно со мной беседовал. – Считаешь хорошо? – Отлично. – Посчитай-ка: 5+5+5. – 15 – сразу сказал я. Купцы загалдели. – А вот 5 раз по 10, – выставил вперед здоровенную бородищу матерый купчина. – 50 – отозвался пришелец из 21 века. Вздых удивления пронесся по рядам. Слушай, а ведь умножения и деления, судя по их удивленным лицам, здесь еще не знают. Да, от арабов отстали конкретно. Борода, ярко-рыжий, плечистый, широченный в плечах, встал с лавки, на которой сидел. Прогудел низким басом:

– Пошли в харчевню. – У меня денег нет – печально повинулся я. – Угощаю – строго сказал купец.

Умница, возликовал в душе я. Желудок на эти славные речи, отозвался утробным рыком. Интересно, что предложит. Считать какую-нибудь фигню? А главное, что даст на обед. Если пустую похлебку, это будет горестно. Действительность превзошла все мои ожидания. В корчме торгош взгромоздился на лавку.

– Тащи все, что есть – рыкнул он на полового. – Бегу, Фрол Кузьмич!

Рыжего тут, как видно, хорошо знали и уважали.

– Как звать? – спросил он меня.

Я ответил.

– Вот такое дело – начал наниматель. – Лишился я приказчика. Женился он на дочери купца Арефьева, и тот ей лавку выделил. И ушел ведь, подлец, в самый сезон – надо в Новгород ехать за товаром, а в лавке оставить некого. И не найти уже сейчас никого, грамотных в городе мало и все при деле. – Кузьмич откашлялся и продолжил. – Пойдешь ко мне? Платить буду хорошо, харчи мои.

Я для вида подумал. Спросил: сколько? Покупной способности местных денег я не знал. Положа руку на сердце, мог бы ответить, что пойду и за еду. Купец назвал сумму. Конечно – да! Купчина расцвел, замаслился.

Стали носить еду. Дали тучу всего, и мы накупились на вкуснятину. Обьелись мы быстро. Фрол отфыркался, рыгнул, и начал ознакомление с моей темной личностью. Ну что ж, это легко объяснимо – он оставит мне деньги и товар, а сам отъедет.

Первый вопрос был классическим для этой страны – ты не пьешь ли? Правда все пьющие, почему-то, обязательно представляются основателями общества трезвенников (как ни странно, в ближайшем к дому винном магазине. Но это выяснится немного позже.) Я отвечал без глупых шуток. При найме на работу они неуместны. Ответил – выпиваю только по большим праздникам. Ответ купчину удовлетворил.

Второй вопрос был тоже актуален: а почему у тебя ни кола, ни двора и одет как-то странно? Ответ – жил очень далеко отсюда, одежда тех мест. Работал, был свой дом. Избу сожгли враги. Христианин, православный, крещенный. Купец все обдумал, сказал – беру. Посмеялся этому в душе, подумал: будь я трижды мусульманин и при этом алкоголик, потеря прибыли важнее. Бородач расплатился и встал.

– Пошли товар глядеть.

И мы пошли в лавку. Она оказалась на соседней улице. На двери – здоровенный замок. Купчина с подозрением стал приглядываться ко мне.

– Ты не вор ли часом?

– У меня воровали, это было. Я ни у кого в жизни гвоздя не взял.

Торгаша мой ответ удовлетворил. Открыл дверь. Через окна били солнечные лучи. На прилавках лежали ткани. Отдельно кучковались другие товары – всякая мелочь: женские ленты, бусы, монисто, пуговицы, зеркала, гребни, нитки, иголки. Очень достойный выбор.

– Да пока тебя обучишь, не меньше четырех седмиц пройдет, – крикнул купец. – Пока все цены не запомнишь, мне из города не уехать.

Ну что же, сейчас уладим, есть у нас одно средство. Я стою на плечах гигантов, а тебе еще придумывать самому.

– Перо, чернила, бумага есть? – спросил я.

– А тебе зачем? – удивился купчина.

– Сейчас поймешь.

– Бумаги у нас сроду никакой не было, но есть береста.

– Давай ее.

Затем я быстренько порезал дар дерева на квадратики и начал писать. Минут пять торгаш тупил, подавал недовольные реплики, типа: кому это надо, зря тратим время и т.д. Потом он открыл рот и завис, как пораженный громом. Я не стал ему мешать и вышел на улицу. Минуты три погулял, открыл дверь настежь: пусть идет торговля и весело зашел. Фрол уже пришел в себя, очень оживился. Схватил меня за плечи, затем обнял, прижал к груди.

– Какая головушка – восхищенно говорил он. – Ты сам это сейчас придумал, или подсказал кто?

Скажешь, видел, доймают – а где, а кто... А я тут ни краев никаких не знаю, ни языков. Вдобавок, назовешь какой-нибудь другой город, может он враг какой местным. Сболтнет купчина кому, там решат быстро. А на дыбе расскажешь все: и что ты лазутчик, и что из другого времени.

Передадут тебя святым отцам, и тут исхода может быть два: первый – бросить в монастырь, в подвал без окон и держать в строгих молитвах и постах, зато цепи не позабудут. Второй – поскорей сжечь на костре, как одержимого бесом.

Это в мое время уже будут сладко петь о доброте православной церкви и зверствах инквизиции. Я был моложе, интересовался историей, читал не приглаженную продажными политиками и церковниками версию, а реальные документы от историков советской поры, а не врунов, которые за рубль напишут все, что угодно.

– Конечно сам!

В дверь павой вплыла очень приятная и богато одетая девушка. Сзади семенила бойкая старушка, кривая на один глаз.

– Ну, что тут у вас есть? – спросила древнерусская красавица, видимо удивляясь нашей купеческой неучтивости – ниц не падаем, сапожки не лобызаем.

Впрочем, купчина пытался загладить нашу вину – поклон до земли, гневный взор в сторону нерадивого меня, невнятное бормотание ни о чем.

Я вел себя абсолютно иначе: вместо купеческой клоунады, которую пора было пресекать, легкий кивок головы, жесткое выражение лица. На некоторых молодых девиц это действует

безотказно. Взяв за локоток, повлек ее к прилавку. Ошавевшая от моей наглости, молодуха пошла. Сзади блял купец и гнусила что-то паскудная бабка.

– Вот это – лучшая геноуэзская ткань. Ее цвет подчеркнет ваш симпатичный цвет глаз.

– А что, сейчас плохой цвет глаз, что ли? – заныла девица.

– В настоящий момент очень хорошо. Будет – изумительно.

По сильно сжатым кулакам стало ясно, что теперь отнять у девчонки ткань просто невозможно. Заранее пожалел ее будущего мужа – железный характер девушки уже был виден.

– А почему? – вредным голосом вникала старуха-кривоглазка.

– Ткань очень дорогая – ответил я. Можете, конечно, не брать, но у нас последний сверток. И не знаю, придет ли корабль из Генуи на следующий год.

Старушка заныла что-то о дороговизне изделия. Сама она была одета бедновато. На родственницу не тянула, скорее приживалка. Но у избалованной красавицы, впервые в жизни столкнувшейся с будоражающим душу дефицитом, вопросов не осталось.

– Плати – скомандовала железная леди старой напернице.

– Сколько там аршин? – спросил негромко у купца.

Он ответил, практически шепотом. Умножив исходное число на два, я сообщил клиентке окончательный результат. Старая, как не напрягала слух, пролетела мимо кассы. Очередной ропот старушенции был подавлен решительно и беспощадно, фразой – засеку на конюшне! После чего, нам была отсчитана нужная сумма, и бабушка, счастливая и чудом уцелевшая, вылетела молча из этого страшного места. Следом вышла довольная приобретением триумфатора.

Повернулся к обалдевшему от успехов бороде.

– Знаешь, Володя, – тихо сказал мой новый начальник, – ты заработал, как я за неделю. Такой продажи не было никогда, ни у меня, ни у моего отца. Бывают такие прибыли только при ходке в другие страны.

– Ну, ладно, – пресек я его теоретические выкладки, – давай теперь договариваться окончательно. Поденную ты мне повышаешь вдвое. Если получаю с покупателя больше, чем твоя цена, эти деньги мы делим пополам.

Купчина, видно, ожидал чего-то более грабительского. Поняв, что это уже все, он залоснился от удовольствия.

– А за товаром кто пойдет? – спросил Фрол, ожидая, видимо, новых неприятных неожиданностей.

– Ты ходил, ходи и дальше. Я ничего не понимаю в ценах и качестве товара. Не знаю, сколько может взять груза телега, ладья, лодка. Когда и куда можно идти, а когда лучше посидеть дома. Так что – занимайся. А сейчас давай делить наши деньги. Мне вечером нужно будет поесть и устроиться на ночлег.

Кузьмич оживился.

– Ужинать будем у меня. Если ты не против, то у нас и заночуешь, жена будет только рада. Я согласился. Заодно посмотрю на богатую жизнь Фрола.

– А сейчас торговлю похерим и пойдем выпьем.

Узнав о моей дерзкой идее, купец обрадовался.

– А я думал, что ты вообще не пьешь, потому что сильно болен. Поражался, что в тридцать лет мужика такая хвороба взяла. Усмехнулся, зная, что старше него. Чтобы посмеяться над такой уважительностью, взял в руки зеркальце, забытое кем-то и бесхозно валяющееся на прилавке. Из зеркала на меня глядело молодое, нахальное лицо.

Потом я вдруг вспомнил, что в различных книжках у попаданцев вдруг появляются разные способности и свойства. В одной книге попаданец говорит на всех иностранных языках, другой обретает способности к бою на мечах, следующий махом затягивает раны. И вот один

травматолог молодеет на тридцать лет... А я-то думаю, чего это вдруг девица на меня поглядывает.

– Слушай, – спросил Фрола, а что за девушка сегодня у нас была?

Он умаслился.

– Это дочь боярина Шейнина. У отца денег выше крыши, пять деревенок, мануфактура, пара мельниц.

– Это ты из-за богатства перед ней гнулсся?

– Я и сам человек небедный. Боярин у князя первый человек. Шепнет он князю слово, и ты уже на дыбе, а жена на паперти с детьми, милостыню просит.

– А дом, а лавка? – зароптал я.

– Все, до последнего гвоздя, уйдет в княжескую казну. И девушка-то, говорят, добрая да ласковая. Давно бы замуж вышла, да отец хочет зятя знатного, самое меньшее – боярина. А лучше княжеской крови. Сейчас окучивает местного удельного князька. Тот молод, горяч, девица ему очень нравится. Она будет всю жизнь счастлива, обеспечена, нарожает ему здоровых деток. Опять же, не надо будет тащить зятя из нищеты. В случае особой удачи, князя на войнушке, до каких он большой охотник и любитель идти в бой в первых рядах, красуясь перед ратниками, могут и убить. А на его место сядет первый боярин, который обдерёт всю казну и обеспечит младших девок, несимпатичных и глупых, по гроб жизни. А ты что еще в жизни делал?

– Лекарем был очень далеко отсюда. Но как я там лечил, инструменты всякие нужны, а их нету. Еще плотничал.

Ну вот, видимо, и купеческий дом, справный и похоже прочный. Купчина начал стучать здоровенным кулаком в калитку. Псы сразу замолкли, заслышав знакомый запах, шаги и стук. Кто-то что-то спросил.

– Открывай, Васька! – рявкнул хозяин.

Калитку распахнули. Дедок лет семидесяти, весь трясущийся от старости, порадовался раннему приходу купца.

– Обед, слава богу, уже поспел, Фрол Кузьмич – подкхекивал старичок.

Очень чисто, хорошо пахнет какой-то едой. Прошли несколько комнат, зашли в кухню. Какая-то девица-краса крутилась у стола.

– Наташка – зарычал купец – беги за хозяйкой!

Через пару минут в столовую заплывла купчиха. Была она красива, дородна, с доброй улыбкой на лице. Типичная блондинка со светло-синими глазами. Подошла к мужу, прижалась. Было похоже, что любит. Кузьмич в долгу не остался, чмокнул ее в щечку, и, не дожидаясь вопросов, начал рассказывать. Когда он закончил повествование, супруга задумчиво сказала:

– Завтра у вас будет половина города.

– Почему это? – не поверил Фрол.

Его жена глянула на меня. Я улыбнулся и кивнул ей. Обоим было всё ясно. Один ее супруг, как обычно, тупил. М-да, не быстр в мышлении. Хозяйка взялась объяснять: женщины любят ушами. Если боярышня расскажет, что купила что-то замечательное и редкое, все испытывают зависть и желание приобрести то же самое, закупленное в никому не известной Генуе.

– Но я же привез это сукно из Полоцка! – зароптал Кузьмич.

Мы переглянулись, и тяжело вздохнули.

– Никогда никому об этом не говори – скомандовала хозяйка, – а то другие купцы будут считать тебя дураком.

– Да я их! – начал кипятиться торгаш.

– И тогда тебя будут считать идиотом вдвойне.

– Ну почему же? – понурился он.

– Тебе дают много денег – вступил я – появляется возможность расширить свое дело.

– Не хочу никого обманывать! – опять зароптал Кузьмич.

Поняв, что работодатель туп, глуп и бесперспективен, я стал обдумывать, чем заняться, после бума с тканями. Возможны варианты с покупкой другой лавки, или налаживанием какого-нибудь не развитого здесь производства. Купчиха, почувствовала мой уход от нужной темы, взяла руководство на себя.

– То есть, – начала она, – ты принял окончательное решение, и менять его не собираешься?

– Да – ответил, уже почувствовав неладное, Фрол.

– Наташка – скомандовала супруга – веди сюда деток.

Купец решил, что гроза уже прошла, и приготовился поиграть с детьми. Действительно сильно глуп, подумал я. Забежали ребятишки, стали дурачиться с отцом. Наследники, все трое, были не похожи ни на отца, ни на мать. Все черноволосые, кареглазые и слегка раскосые – в общем, вызывающие подозрение, которое можно будет снять только генетической экспертизой. Кузьмич замаслился. Ему было хорошо и спокойно.

– Дети, – негромко сказала хозяйка – попрощайтесь с папой.

– Вы чего это? – начал беспокоиться хозяин – гулять решили пойти?

– Онуфрий, Семен, Агафья, мы переезжаем к бабушке!

Рыжебородый сдулся.

– Вы зачем это? У нас же все хорошо, не ругались...

– А чего у нас больно хорошего? – вызверилась мамаша после его нытья. – Лавку мой отец предоставил, он же денег на твою возню и этот дом дал. Приказчик прежний все твои мелкие дела вел. Как только представилась возможность – тут же убежал, даже не попытался с тобой завести что-нибудь, зная твою бестолковость. Покажи хоть что-то, заработанное тобой или твоим отцом, хоть какой-нибудь знак твоей любви ко мне. Кроме троих детей, никакой прибыли от тебя нет. Да и деток скоро мой отец кормить будет. Купчишка драный!

Фрол попытался что-то пробурчать в своё оправдание. Пресечен был решительно и беспощадно.

– Говорить, что будешь лишнее, мой отец тебя выкинет из дома. Здесь ничего твоего нет, ни ложки, ни плошки. И из лавки проводит восвояси – все на него оформлено. И пойдешь по пыли. Батя давно говорит, что приказчиком тебя и не возьмут. Самое большее, это – грузчик или охранник.

Кузьмич попытался что-то произнести, как-то оправдаться, но был опять пресечён.

– У тебя вот появился человек, интересный, умный. Сразу рискнул, сразу заработал. Нашел способ добыть в десять раз больше. Ты пытаешься отнять эти деньги у своих же детей. Тесть прокормит, он богатый. А он еду даст мне и детям. Тебя папа кормить не собирается. Так что можешь завтра не бродить по лавке, не загаживай чужое имущество!

Она повернулась и вылетела из столовой, полная женской злобы. В коридоре закричала:

– Малашка! Беги за отцом!

У меня всю жизнь есть немного необычная особенность, какое-то чутье: всегда знаю, что человек будет делать дальше. Он может кричать: ты покойник! А я знаю – сейчас проорется и, ничего не сделав, уйдет. Хозяйка пошла готовить наше скорейшее убийство. Почему она хочет лишить жизни и меня, было непонятно. Может так тут принято? Отсюда нужно было немедленно уносить ноги!

Я повернулся к Кузьмичу. Он сидел, согнувшись и беззвучно плакал. Так, так, так. Пога-ней в семейной жизни и не бывает. Но у купца, похоже, тихая истерика, и ничего он делать не будет. Лекарств с собой никаких. Что ж, будем действовать по старинке, постараюсь помочь. Надо срочно убегать, делать ноги! Подошел, потряс бороду за плечи:

– Вставай, пошли отсюда.

Тот посмотрел на меня мутными, заплаканными глазами.

– Ах оставь меня...

Да, скоро придут резать нас. Его жена, вероятно, послала человечка к батю, а тот, видимо, предпочитает видеть дочь вдовой. Ходу, брат, ходу! Меня ведь будут резать как ненужного свидетеля. Рохля глядел мимо меня и мычал. Пришла пора помочь! Не оживится, убегу один. Очень жить охота. С размаха треснул дурака ладонью по лицу, и еще, еще. Кузьмич очнулся.

– Эй ты чего, больно же!

– Зато живы, – ответил я и потащил его на выход.

– Зачем? Вот мне бы полежать, отдохнуть...

– На том свете отдохнешь – зарычал я.

Он встряхнулся, поглядел на меня ясными глазами.

– А кто?

– Тесть твой, дубина.

– А за что?

– Есть причина.

Кузьмич как-то сразу поверил, зоркими глазами осмотрел окрестности из окошка. У калитки уже стоят трое, с мечами. Здесь не уйдем. Он потащил меня куда-то в бок. Кратенько объяснил.

– К черному ходу.

– А что, там есть калитка?

– Найдем! – рыкнул рыжик. – Бежим бойчей! – и мы полетели.

В глубине сада пришли к здоровенному дереву. Фрол изогнулся, держась за него.

– Лезь по мне. Перелезай на забор.

Дальше было только трудновато прыгнуть с изгороди. Следом плюхнулся Кузьмич, и мы понеслись переулками. Минут через пять, перешли на шаг.

– Куда направляемся? – спросил бородач.

– Это зависит от того, что за человек твой тесть.

– Разбойник и убийца – не раздумывая, ответил Фрол. – Это точно.

– Тогда на пристань. Денег у нас хватит?

– А куда? – спросил бывший купец, муж и отец.

– Лишь бы подальше отсюда.

– Тогда в Новгород, мне туда привычно плавать, не раз был.

– Неважно куда, главное, скорее на корабль сесть и от берега отплыть.

– Вперед!

Мы вышли к Волге. Причал был наполовину заполнен древнерусскими кораблями. Надо поискать ладью или ушкуй. Мы прошли вдоль берега, покрикивая тем, кто стоял или сидел вдоль борта. В одном месте повезло, позвали.

– Мы отходим очень скоро. Вещи при вас?

Фрол опять начал тупить.

– Да многое взять не успели...

– При нас, – рявкнул я.

– Поднимайтесь.

Нам начали заряжать цену, Кузьмич боролся за понижение. Я сразу же сказал, что согласны.

– Нельзя ли поплыть немедленно?

– Можно, но денег нужно добавить.

– Каждому по три полушки, атаману – рубль.

Мы быстро отчалили от пристани. Я даже не успел заметить, подняли ли мы якорь, или похерили это дело из-за жадности капитана. Он скоренько подкатился к нам. Мол не успели из-за спешки взять еще двух гребцов, и не изволим ли мы?

– Изволим – жестко сказал я.

Фрол, осознавший, что мы бежим, тоже бойко взялся за весло. Рассусоливать было просто некогда. Толковать о том, как ты договаривался – с греблей или нет, недосуг. Скорей гребем отсюда!

Только отплыли, как на пристань вылетели трое конных. Было хорошо видно, как они толкуют с корабельщиками, а те показывают в нашу сторону. Ну что ж, у меня приметы очень характерные – майка без рукавов, джинсы, отсутствие бороды, а они были в ту пору у всех мужчин. Теперь поиск вверх по Волге нам гарантирован.

Борода за короткий период вырастет, надо только дожить до этого славного времени. Тут поднялся ветер, и мы стали сушить вёсла. Фрол подошел, сел рядом, ему объяснили ситуацию. Кузьмич охал и поражался коварству жены и подлости тестя. Затем было рассказано, как за нами идут по следу. Идут за ним, а след мой.

– А ты-то им зачем? – спросил бывший купец.

– Просто убить свидетеля.

Фрол опять заохал. Объяснил ему, почему меня искать проще. Кузьмич затарахтел, что надо отсидеться в какой-нибудь деревне, денег хватит, отрастить бороду. Я кратенько растолковал ему, что нас быстро найдут, матросики сдадут за ломанный грош. А что делать будем, после решим. Первую ночь провели на природе.

Шли, оказывается, в Великий Новгород, рыжему подфартило. Тут мы с бывшим купчиной столкнулись окончательно. Мою мысль спрятаться порознь, он отверг сразу, а идею биться с врагами, принял на ура. Выяснилось, что Кузьмич был профессиональным военным у князя. Женился из жадности в тридцать лет, прожил в довольстве и покое еще семь.

Обсудили вооружение. Ему меч, жалко не кладенец, мне топор. Затем поинтересовался, есть ли у них арбалеты. После объяснений решили, что это самострел. Бывший воин высказался, что это оружие всякой рвани, татей и душегубов.

Тут уж я развеселился, ибо душегуб – близкая мне профессия, и вспомнил историю с оплеухами Кузьмичу. Этот метод одно время был признан. При истериках унимать их долго и трудно. Потом нашли метод – бить пациента по лицу. Не покалечишь по ошибке, как при других ударах. После двух – трех оплеух человек приходит в сознание и приступ заканчивается. В общем, решили по приезде в какой-нибудь город, пойти к тем, кто торгует оружием. И чем раньше, тем лучше. Биться будем с профессионалами.

Глава 2

Мимо плыли красивейшие волжские берега. Никогда не понимал, зачем люди едут на отдых к нашим исконным врагам – туркам. Мы воевали с ними раза три, и в 21 веке русские там регулярно пропадают. Мужчин отыскивают мертвыми, девушки бегут из борделей. Правда, с возвращением на родину Крыма, состояние дел несколько улучшилось.

К обеду приплыли в небольшой городок. Название его я даже и не спрашивал, сразу пошли к оружейникам. В наличии оказалось несколько лавок. Оружие в средние века было таким же необходимейшим товаром, как еда и одежда. Цены у оружейников были примерно одинаковы.

Фрол отобрал себе самый дорогой меч. На мои глупые сетования на дороговизну, ответил, что такого булата по дешевке не сыщешь. Кроме замечательного меча, взяли мне арбалет, болты к нему, боевой топор, два ножа – один для еды, второй для боя.

Опять же для попаданца – православный крестик на шнурке, ложку, мешочек с солью, до перца я не охотник. Кроме того, переоделся. Купил рубаху, штаны, какую-то шапочку, одобренную Кузьмичом, и стал неотличим от толпы.

Мы неспешно пошли к кораблику. У ладьи стояли какие-то посторонние люди с конями, переговариваясь с командой. Я, увидев их рожи, сразу начал натягивать самострел. Фрол удивленно глядел на меня.

– С кем это ты биться собрался? – спросил он.

– Да вон лихие люди прискакали нас резать – вставляя болт, пояснили бывшему бойцу.

Кузьмич ошарашенно озирался.

– Меч вынимай!

– Но они же мирно стоят – пискнул Фрол.

– Порубят они тебя вообще с доброй улыбкой – добавил я масла в огонь. Враги, почуяв неладное, повернулись. Четверо с мечами, в кольчугах. Пятый, не экипированный для боя железом, негромко сказал, рассмотрев нас.

– Вот эти двое, – и показал на нас пальцем.

Тут все выхватили клинки, а я поднял арбалет. Сзади подоспела подмога – молоденький матросик с топором. И закипела сеча. Пришлые начали, бросившись вдвоем на Кузьмича и морячка, ко мне пошли еще двое, явно не считая самострел серьезным оружием. Жизнь их быстро разубедила.

Я опечалил первого, спустив тетиву. Болт ударил в живот, порвав кольчугу. Со вторым я начал биться свежкупленным топором. Противник превосходил меня и силой, и умением.

Тут набежал морячок и стал биться с напавшим на меня на равных. Моя неизбежная смерть получила отсрочку. Начал перезаряжать арбалет. Пора превзойти напавших хотя бы в количестве. А с обычным оружием мы мало чего стоим. Выпустил очередной болт. С пяти шагов не промахнулся. Сдавленный крик и мой несостоявшийся убийца, раненый в грудь, рухнул на землю.

Наш рыжик бился один с двоими. Фрол обрубил у одного кисть руки. Тот завыл и уселся на землю. Оставшийся прыгнул в сторону и очень быстро убежал. Мы пошли к пятому. Он по повадке было видно – не боевой, попытался тоже исчезнуть. В это время матрос кончал разбойника, не добитого Фролом.

– Эй, Дмитрий Иванович – сказал вальяжно рыжий – на коня не лезь. Пытать буду долго перед твоей смертью. Рассказывай все, что ведаешь.

– Да ничего не знаю – заюлила эта гнида.

Я вынул из-за пояса большой нож для боя.

– Дозволь, Фрол Кузьмич, ухо ему отрезать?

У гостя от чего-то вернулась память. Он затараторил, только успевай слушать.

– Это тесть ваш велел вас убить!

Борода обождал положенное время и задал неожиданный вопрос:

– Детям ее кто отец?

Поганец снова было заюлил.

– Да откуда мне знать...

Нож опять был вынут. Тварь быстро залопотала.

– Все трое от Яшки-конюшего!

Фрол понурился и пошел к ладье.

– Этого гада убить бы надо, – глядя в землю, печально высказался Кузьмич.

Ну нам, душегубам, лишь бы команду получить. Я дернул поганца за плечо – пошли. Он бежал рядом, просил и умолял, обещая деньги, лошадей, продать домик...

– Заткнись, – мрачно сказал я – деньги давай. – Увесистый кошель подцепил к поясу. – Хозяину передашь – хочет жить, пусть отстанет от нас. Иначе уьем всех: его самого, дочь, внуков. С наемниками больше возиться не будем. Все понял?

– Да, да, конечно!

– Пошел вон – и дал ему пинка на прощанье.

Хорошо попугать всякую мерзость при расставании. Правда, тесть похоже крутой, и напугать его вряд ли удастся. Гаденыш уходил, оборачиваясь и ожидая удара в спину. По себе судит, понял я и решил использовать детское умение. Засвистел, заухал вслед. Как он побежал, порадовав сердце! Да, хорошо бы еще и обгадился на прощанье. Так, потихоньку и дошел до ладьи.

– Поскорей отчаливать надо – сказал мне капитан. – А то убитых полна пристань. Привяжутся местные власти, насидимся в порубе.

– Да, это верно – присоединился к его мнению Фрол.

– Но мы же правы! – стал бороться за правду я.

– Сидеть не меньше месяца и хорошо если оправдают. А может кому приглянется судно, или опознают кого из убитых, как сродственника какого-нибудь местного шишака, хана нам.

– Да, конечно, отходим.

Ладья плавно отошла от пристани и пошла против течения. Я уселся было за гребца, но был изгнан, так как Кузьмич грести не хотел, а другой пары мне не было. Хозяин корабля подозвал к себе.

– Друг твой не разговаривает, печалится чего-то, иди к нему.

– Мне парень ваш еще жизнь спас – сказал я.

– Второй справа – Петр – сразу ответил капитан.

Правильно, что подсказал – в горячке боя разглядеть матросика я просто не успел.

– А лошади там были?

– Продал их Петруха сходу, деньги у него.

– А мечи, кольчуги?

– В трюме.

Все было ясно. Подошел к Петру. Спросил – поговорим? Он встал, и мы отошли к корме.

– Деньги за лошадей я отдам.

– Две трети – уточнил Фрол. – Мечи и кольчуги продадим по пути, деньги делим так же.

– До Новгорода не подождем? – спросил я.

– Там железо дешевле, немцы возят – ответил напарник.

– Самая цена здесь – руда у них плохая, – добавил матросик.

– Твой самострел в трюме. Надо вам мечи и кольчуги подобрать – добавил Кузьмич.

Тут я заметил тряпку, красную от крови, на предплечье у матроса.

– Кто тебя ранил?

- Его я потом добил.
- Как же ты гребешь? – негодовал я.
- Да ранка левая, уже и не чую – отвечал этот доморощенный ратник.
- А перевязать завтра есть чем?
- Откуда? Я же не лекарь.

Вспомнились поганцы из 21 века, которые донимали с любой царапиной. Да, надо пугать этого оболтуса, который рану явно ничем и не залил. Гангрену в это время лечили только одним способом: отрезали руку. Поведал об этом пареньку. Фрол добавил масла в огонь.

- У нас в дружине троих ранили в руку. Выжил только один.
- Да откуда вам знать – ерепенился щенок.
- Он – лекарь, – добил его Фрол, показав на меня.

На юношу смотреть было жалко. Весь как-то съезжился, гонор исчез.

- Как же Варя, пропадет она одна – заныл Петька.

Да, только нам двоим и петь о жалости к женщинам...

– Я вот тоже заботился о супруге, а она оказывается нарожала троих деток от другого и послала за нами душегубов.

Петр сломался от крушения жизненных надежд. Тут мы вошли в пределы какого-то населенного пункта. Я побежал к шкиперу.

- Остановиться бы нам и здесь.
- Зачем?
- У Петра может начать гноиться рана.

Капитан тут же, без лишних вопросов, скомандовал матросам, и ладья прижалась к мосткам.

- Что тут? – спросил подошедший Кузьмич.
 - Вот он говорит, что у Петрухи может начать гноиться рука.
 - Владимир лечит не первый год! – рассеял Кузьмич его недоверчивость.
- Хозяина судна аж перекосило.

– Я заплачу за лечение, сколько надо, он мой племянник. Сестра за него без соли съест. Мне он – единственный наследник.

- А мне он жизнь спас, – закончил я.
- Бились вместе, и пойдем вместе! – гаркнул Фрол.
- И я, – влился в коллектив Петька.

И мы пошли в село. Пока брели, я обозначил задачи. Нужно купить ткани и порезать ее на полосы для перевязок. По ходу приобрести крепкое вино или самогон.

- Я пить не буду, – заявил Петруха.

Кузьмич смотрел недоуменно. Видно было, что он то выпил бы охотно, но сомневается во времени.

– Надо чем-то облить рану, – объяснил я. – Постоялого двора вроде нет, поэтому расходимся по дворам. Самогончики русский человек всегда нагонит!

И мы пошли. Через час все было найдено. Ткань порезана, самогон прозрачный и крепкий. Что ж, пора обрабатывать рану. Вернулись на судно. Ладья отошла от берега. Я объяснил капитану суть дела.

- Никто мешать глупыми советами не должен!
- Пусть гребут, – решил хозяин.

Верное решение! Иначе их не отгонишь. И я стал делать привычную работу. Разбавил самогон до водки, снял повязку, оторвав ее от раны. Парнишка даже не охнул – молодец, терпеливый. Рана, конечно, отнюдь не царапина. Полил рану полученной водкой, наложил повязку. Все, можно на перекур, хоть сроду и не курил. Уложил раненого.

Подошел Фрол. Присел рядом, заговорил.

– Вот ведь гадина! Видел я, к конюшне жметя. Но чтобы все трое были чужие, не ожидал...

Мой-то сын, подумал я, слишком похож, чтобы можно было от него отпереться. Да и люблю его сильно – чувствуется голос крови!

Кузьмич продолжил:

– Ревности у меня нет, на дом и лавку наплевать, но убивать мужа... – снова пауза.

Тут я вспомнил, как по юности был заманен одной вертлявой брюнеткой к ней домой, с какой-то неведомой мне целью. Внезапно пришел муж. Не доводя его до греха, ушел в спальню. Закрыл замочек и сел на диван – любоваться процессом. Длилось это минут пятнадцать. Супруг, озлившись, бился в дверь как раненный носорог. Я ждал. Терпения мне не занимать. Он ослаб. Пришло мое время.

– Мешаешь отдыхать шумом! – крикнул я.

Муж опять озверился, снова начал крушить дверь. После третьего раза, он решил вступить в контакт.

– Выйди, поговорим, – прорычал ревнивец.

Знаем мы ваши беседы, подумал я, открывая дверь и уходя в сторону. С ревом обозленного буйвола, муж кинулся меня убивать. Я не мастер рукоприкладства, но обладаю очень быстрой реакцией – подставил ему ногу и сел противнику на спину. Пара попыток подняться, не принесли успеха. Мужик был здоровущ и грозен. Сдавленным голосом проговорил, что с него лучше слезть. Я молча поднялся и ушел.

Бабенка на следующий день со мной не здоровалась и дулась. Она ждала сочувствия и подарков за подбитый глаз. Но я рассудил, что не несу ответственность за чужую дурость – она могла бы и убежать, пока он дверь-то пытался вышибить. Общение с чернявой на этом и оборвалось.

Мы плыли, и я делал перевязки. Рана стремительно заживала. Парнишка уже рвался к веслам, но шкипер гнал его прочь. Ладью перетасили через переволоки, поплыли дальше. И вот появился господин Великий Новгород, засиял церковными куполами. Мы распрощались на берегу. Деньги, взятые за боевую добычу, поделены. Петро с капитаном степенно пошли по домам. Парень, пересчитав деньги, крикнул: дом можно купить. Ну, Варвара, будь счастлива!

Глава 3

Мы отправились в сторонку от порта – как объяснил тертый Фрол, кормят получше, берут подешевле. После пятиминутной ходьбы, подошли к харчевне. Тут и поесть, и поспать, разъяснил многоопытный Фрол. Мы и поели, и пошли поваляться на мягких кроватях – обсудить виды на урожай. С Кузьмичом было все ясно: купец он и здесь купец. Деньги на товар и лавку у него есть. Не хватает на судно, но это дело решаемое: взять кусок трюма в аренду или купить в складчину с кем-то из купцов. Мысль, конечно, добрая. Я подумал и решил уточнить наша финансовые дела.

– Если добавить мою долю, хватит?

– А сколько будет процент?

– 50% от прибыли.

– Это ерунда, – буркнул будущий купчина. – Я за долг толкую.

Сначала не поняв, решил, что Кузьмич где-то здесь задолжал. Но, поразмыслив, понял. Да, давненько у меня не было в жизни веселья. Глянул, хорошо ли браток держит удар. Он весь напрягся, плотно сжал губы. Поехали!

– Ну, процент будет немалый. – Глянул – видно, что разбирает. – Это будет стоить, будет стоить...

Полюбовался клиентом. Стоит, как сеттер на охоте, ждет выстрела. Ладно, хватит его нервировать. Я присел.

– Будет стоить аж... пять копеек!

Полюбовался его ошарашенным видом. Не поверил.

– Всего пять копеек?

– Ну извини, меньше не могу.

Он дышал, как рыба на берегу. Доходил. Дошел. И с диким криком кинулся ко мне. Увернуться я просто не успел. Сгреб лапищами, начал мять, пытаюсь поцеловать в губы. Я был активно против такой ласки брежневской поры. Пора отрезвлять друга.

– Фрол Кузьмич! Хватит!

Торгаш потихоньку пришел в себя. Перестал целовать и сжимать меня в смертельных объятиях. Ну, слава Богу!

А теперь пора бы и выпить что-нибудь покрепче. Мы спустились вниз. Сели за свободный столик. Тут же подскочил половой. Чего изволите? А изволили мы зелена вина. Дали нам водки и закуски. Хряпнули по первой. Закусили. Второпях дернули по второй. Расслабились, потекла неспешная беседа. Через пол часика меня повело, потянуло на подвиги. Я решил спеть.

Голосишко-то у меня жиденский, но слух хороший, в школе пятерка была. Причем получил ее неожиданно. Было это классе в четвертом. Петь по детству я терпеть не мог. А тут пение по два раза в неделю. Молоденькая учительница билась со мной, как с ишаком и ставила двойки. К концу четверти я понял, что мое упрямство может огорчить маму. Значит, будем петь.

И на очередном уроке решил, что пора голосить. Вызванный к доске, что-то спел. Учителька, мужественно и пока безрезультатно, боровшаяся со сном, страшно оживилась.

– А еще так сможешь? Голос, как у Робертино Лоретти!

– Конечно могу!

Ну, песен я знал массу, в том числе арий из опер и оперетт. И слышал их отнюдь не по радио. У отца был великолепный баритон и отличный слух. После песен мне поставили пятерку, в четверти и в году тоже. А через два года, как и у знаменитого итальянского мальчика-певца, голосок сломался. Мы оба выросли. И, отнюдь, не кастратами, как раньше певцы в Ватикане!

Я выпил еще чуть-чуть и пропел замечательную песню брежневской поры. Фрол заинтересовался.

– Голос-то не блещет, но какова песня! Где ж такие поют?

– Главное – кто пишет.

– А кто пишет?

Тут я и сболтнул:

– Мы пишем!

– Ты пишешь, – обалдел Кузьмич.

– Именно я.

Тут, притихший было народ, загалдел. Решил закрепить успех и спел еще пару песен. В конце концов, Утесов не сильным голосом брал. Мы засобирались было уходить. Тут народ стал роптать.

– Пой еще, пой еще!

– Вы нам платите что ли? На свои пьем, – озлился Фрол.

И слушатели понесли деньги. Правда, далеко не все. Многие норовили урвать даром. Но с Кузьмичом этот трюк не прошел. Он подошел к группе из трех мужиков.

– Платить будем?

Те повели себя нагло.

– Мы в корчме, у хозяина сидим.

– Вот он вам пусть и поет.

– Да ты нам не указ, где хотим, там и сидим!

Возле Фрола встали плательщики. Наглецы поняли, что их сейчас будут бить. Они с гнусом встали, ухватили самого бойкого своего и отчалили. А я им вслед рванул отходную. Оставшиеся клали деньги безропотно. Если кто-то пытался сэкономить, Фрол жестко говорил, что эта сумма устроит нищих, они тебе и споют. После этого, все доплачивали, понимая, что второго раза может и не быть. Певец может уехать, пойти петь в другое место, сорвать голос, да мало ли что. А я пел и пел. Исполнял русские песни, мешая с иностранными, у которых знал переводы. Решил заканчивать исполнением шлягера 21 века. Посмотрел на Кузьмича – он поняливо махнул рукой, встал и объявил.

– Последняя песня!

Народ было зароптал.

– Певец не железный, – добавил Фрол, – можем и сейчас уйти.

Наступила тишина. Я спел. Толпа бесилась. Еще чего-нибудь! И еще раз исполнил.

И мы пошли, не обращая ни на что внимания. Я вам не эстрадный певец! Пора отдыхать.

Утром мы позавтракали и пошли по делам. Первым делом купец купил ладью. Команду он оставил от прежнего владельца. Потом затеялся арендовать склад и покупать товар. Тут я вспомнил о своем пении.

– Слушай, Кузьмич, мне нужен музыкальный инструмент.

– Зачем, ты же сам поешь?

– Затем. Деньги давай.

– Сколько?

– Гони десять рублей.

– Это же большие деньги!

– А я большой человек. Ты вот уедешь, а мне на что жить?

Фрол отсчитал и убежал. А я пошел вдоль рядов, разглядывая товар. Тут услышал трещотки, дудки. Вот у них и спросим. Вдруг все умолкло. Ведь упустил! Поспешил. Вдруг гадкая музыка появилась. И так раза три. Сложилось ощущение, что они каждый раз от меня уходят. Я остановился возле средних лет мужика с деревянной посудой.

– Скажите, а скоморохи как-то ходят что ли?

– Сообразил, – посмеялся лошкарь. – Они по трем большим кругам бродят. Ты за ними лучше не гоняйся.

– А как?

– Стой здесь. Они скоро подойдут. Каждый день здесь кружат.

Через пять минут ВИА «Скоморох» подошло из-за угла.

– Здорово, ребята.

Ответили неласково.

– И тебе не хворать. Что на дороге-то встал?

– Есть дело. Плачу.

Сгрудились вокруг.

– Не обманешь? Хотя бы на обед получить – жадно сказал самый длинный и самый худой.

– О какой сумме идет речь? – уточнил малосведущий я.

– Ну, копеек пятьдесят.

Облегченно выдохнул – это можно! А то опасался, что не хватит на инструмент. Цен я не знал. Музыканты, судя по их дудкам и колотушкам, тоже.

– Полтинник даю, если найдете нужную вещь.

Молодежь опечалилась. Задание явно будет непосильным. Просто так деньги не платят.

– Да расскажи, в чем дело-то, – крикнул самый нетерпеливый.

– Нужна гитара.

На лицах – недоумение.

– Я из других краев, может быть у вас она называется по-другому.

– А какая она?

– Вот такая, – обвел воображаемые формы руками. – Шесть или семь струн, глубокая.

Звук приятный, мягкий.

– Не домра?

– Отнюдь.

Все задумались. Вывод был печален. Не видали, не слышали.

– А может Тишило-купец чего знает?

– Где будем его искать?

– У него лавка на этом рынке.

– Объясняйте.

Все пятеро знали рынок как свои пять пальцев. Но были, как женщины из будущих времен. Дорогу знает отлично, а объяснить ее не может. В общем, пошли искать все вместе. Не успели тронуться, новая идея. Я подошел к купцу через лавку от нашей сходимки.

– Хотите спую историю о вашей семье?

– Да откуда ты это можешь знать, да еще сочинять об этом песню?

Он поразился моей глупости и нахальству, ничем не обоснованному. Я не стал ему говорить, что пронаблюдал, как перед нашей беседой, мальчик и девочка, похожие на купчину, совали ему продукты и кувшинчик с чем-то. Перед уходом они обнимали отца.

– Тут есть люди, знающие твою семью? – спросил у него.

Купец задумался ненадолго.

– Есть трое.

– Зови всех.

Он убежал. Я подозвал длинного с дудкой.

– С голоса музыку можешь взять?

– Легко!

Я напел. Парень сыграл один в один. Талант! Пришел торговец, с ним еще трое степенных бородачей.

– Мы поспорили с почтенным, что пока он бежит за вами, я напишу песню о его семье и возьму с него рубль. Вы – свидетели.

Бородачи зашумели.

– Это невозможно, Трофимыч, не робей!

Ну, прямо Новгородское вече. После таких речей отступить было невозможно. Остаток жизни будут насмехаться. Купец приосанился, показал нужную денюгу. Начинайте!

На шум подтянулись соседи, все вальяжные и бородатые. Узнав о причине спора, разбились на два лагеря: за торговца и за меня. Ну, вот это точно вече! Народ кричит, руками машет. Подходят и покупатели. Шум нарастает.

Наш ансамблик глядел понуро, думая, что опозоримся. А народ уже спорит на деньги. За нашу же неловкость, нас, похоже, будут бить всей толпой. Проигрывать всем обидно. Остальные тоже такое веселье не упустят. Но ребята не трусят, не бегут. Молодцы!

Длинный против остальных гляделся орлом. Он уже имеет в руках невиданную в этом городе песню. Я поднял руку.

– Начинаем! – крикнул во всю мощь своего жиденского голосишка.

Пока народ стихал, буркнул своим, чтоб не вздумали влезть со своими стучалками и бренчалками. Затем вышел в центр, скомандовал – дуди, и стал петь песню о сына и о дочери – лучшую песню о семье всех времен и народов.

Толпа стихла окончательно. Затем округлились глаза, потом, от впечатлений, разинулись рты. Я допел, поклонился слушателям и отошел к своим.

Аплодисментов в ту пору еще не знали. Сначала на короткое время – тишина, а потом дикий рев, ударивший по ушам. Затем общий галдеж. Обмен мнениями, крики мне, с требованиями петь дальше и тому подобное. Но – как сказал Шаляпин: даром только птички поют.

Мои музыканты-проводники цвели. Такого успеха они не видели никогда. Дударь сиял. Он принял участие в зарабатывании триумфа! Поэтому тоже вышел и раскланялся на все четыре стороны. Очередная буря восторга. Что же, у победы много отцов, а поражение – всегда сирота.

А я пошел к Трофимовичу, получать гонорар. Купец меня крепко обнял. Глаза у него были влажные.

– Слушай, спиши слова, супруге спою.

Приятным баритоном запел мою песню, не фальшивил. Я помялся.

– Этому, с дудкой, надо бы тоже денег дать.

– Полтинника хватит?

– Вполне. Ну что же, бересту, чернильницу и перо в руки!

– Заменит перо писалом?

– Давай!

Я получил полтора рубля, кто-то побежал за причиндалами. Мы пошли к прилавку. Присел на чурбачок. Надо мной бубнил купчина.

– Как ты все зришь в корень – и люблю их всех очень, и тоскую по ним, когда уезжаю за товаром. С женой ни разу за все годы не поругались, живем душа в душу. Дочь ласковая, красавица, сынок в меня, очень умный. И тут песня у нас в семье будет...

Прилетел посланец с нужными для письма принадлежностями, и я сел писать, стараясь делать врачебный почерк поразборчивее. И не знаю местной орфографии. Где-то читал, что вроде все пишется без разделения на слова. А на самом деле – бог его знает. А надо как-то оправдаться. Поднял голову.

– Пишу, как умею – я из дальних краев.

– Да мне все равно, – загалдел купец, – я пойму, надо будет – перепишу. Дописал, протянул собеседнику. Тот почитал, вздохнул.

– Эх, горазд ты писать!

Спросил мужика – а тебя как звать-то?

– Михаил, – ответил купец. Во как, без явно лишних отчеств!

– Не могу тебе написать ноты, – печально сказал я.

– Про такое и не слыхивал, – ответил купчина.

– Ими мелодию пишут.

– Вот же музыка, – горячо заспорил Михаил, тряся бумагой.

– Ну, слушай, – сказал я.

Сначала текст – и медленно стал читать. А теперь – мелодия, вся сила песни и начал петь без слов. Купец не сразу, но понял.

– Но я вот помню и так.

– А если бы я писал тебе письмо?

– Ну, как-то бы спел, – неуверенно заявил Миша.

Я взял у него бумагу и наскоро записал первые три куплета другой песни. Сунул купцу – пой. Тот поразился, и что-то заблеял. А теперь я: и стал петь. На втором куплете вступила дудка, следом – остальные. Мы ушли писать с улицы в склад. Мои ребята сгрудились у двери. У Михаила округлился рот.

– Как это вы все, разом-то?

– Слаженная команда, – гордо заявил я, думая о грядущих у народа именинах, свадьбах и неведомых мне пока русских праздниках.

Ладно, пора за гитарой. Встал, начал прощаться. Купец стал звать обедать.

– Тороплюсь, – отмел я лестное предложение.

Сейчас свяжись, это до вечера. А завтра торговец струнным инструментом отчалит в другой город и ищи его свищи. Эти шутки судьбы мне известны хорошо, все-таки мне за пятьдесят. Уж не мальчик, видал виды. Мы вышли из склада.

Уйти нам не дали. Встретила возбужденная толпа. Поднялся шум: вы чего так долго, мы тут ждем... Люди хотели даровых песен и зрелищ. От меня – не дождетесь. Хватит исполнять клятву Гиппократ!

– Шумните им, – попросил я своих, – что сегодня здесь петь больше не будут.

Молодые переминались с ноги на ногу.

– Нас так не ждали ни разу. Надо петь, – заявил самый падкий до чужого успеха музыкантишка.

Посмеявшись в душе, я ответил.

– Ну что же, можете петь тут хоть до утра.

Подумал о торговце инструментами – буду искать по рынку сам и повернувшись, начал уходить. Далеко мне уйти не дали – стали хватать за руки.

– Старший, мы идем, больше горячиться не будем...

Посмотрел в их зарвавшиеся лица. Глазенки прячут. Похоже, проняло. – Охладить надо народ, – скомандовал я.

Из наших тут же вытолкнули самого горластого. Он взялся орать, как громкоговоритель.

– Новгородцы! Певец устал, сегодня песен больше не будет.

И так раза три. Вот это по-нашему, по-вокальному! Народ пороптал, пошумел и разошелся. А мы двинулись в сторону намеченной цели. Значит, о гитаре вы слыхом не слышали, но может хоть балалайку знаете? Ребята переглянулись, поговорили тихонько между собой. И не видели, и не слышали. Ну, прямо край какой-то таежный! И это святая Русь!

Я начал потихоньку злобствовать.

– А струны-то вы видели?

– Конечно, – расцвели ребятишки, радуясь выходу из тупика.

Я напрягся, как волк учуявший добычу. Интересно, на какую дудку они натянули струну?

– И на что они были натянуты? – спросил у молодых.

– На домру.

В памяти что-то шевельнулось. Слышал звон, но не знаю, где он.

– А какая она?

Описывают. Нет, это не гитара.

– А далеко видели? – может где-нибудь в Киеве?

– Да тут на торге.

– Прямо здесь?

– Да рядом. Вот она стоит, – и показывают руками.

Я внутренне аж ахнул! Стоит красота с тремя струнами, дека с колками, корпус круглый. Конечно, три не шесть, и как звучит, неведомо, но все это решаемо. Струны подтянуть, деку подогнать. Сидящий бородач лениво спросил:

– А деньги-то у тебя есть? Инструмент десять рублей стоит.

Я вздохнул, спросил парней: а поласковой продавца не найдем? Они дружно замотали головами. Да, в других городах такого нет. Торгаш встал, прошел за домрой, протянул мне.

– На ней ведь играть надо уметь.

Посмотрим, что я смогу, может налаживаться надо долго. Бить себя в грудь и кричать, что на гитаре с десяти лет играю, может и бесполезно. Придется учиться заново. Взял инструмент в руки, прошелся по струнам. Звучит славно. Повертел колки, заиграл. Подтянул одну струну, и запел. Как мной гордились ребята! Купец просто раскрыл рот.

Домра звучала изумительно и на трех струнах. Гитара против нее выступит только элитная. Дешевка – не у дел. Тут откуда-то выскочил невзрачненький мужичонка.

– Пой дальше, – скомандовал он.

Подумал: а приказывать будешь дома, жене и детям. У меня все мысли были о покупке и цене. Пришлый заныл, что это же он просит.

– А я тебя прошу: дай сделать дело!

Он опять взялся донимать. Уже не слушая, сказал своим: уберите его. Парни спросили: как, куда. Я обозлился: лучше, если останется жив. Мои заготовили пошли на говоруна всей оравой. Как он от них убегал... Я повернулся к торгашу.

– Как ты играешь! – восхитился тот.

– Да инструмент уж очень хорош! Так сколько хочешь?

У продавца музыкальных инструментов глазки забежали. Он явно упарился с домрой.

– Молодые твои придут, инструмент в руках крутят, бренькают. А денег в кошельке нет и похоже, не будет.

– Так сколько? – прервал его я.

– Ну, десять рублей.

– Даю три.

– Девять.

– Восемь.

Повернулся уходить. В глазах вернувшихся парней плескалась горечь. А домра в моих руках – чудо как хороша!

– Шесть рублей и не меньше! – крикнул мне в спину Тишило.

Да, до уличного продавца-турка двадцать первого века, ему далеко. Не хватило бы мне десятки, и, оставив скоморохов караулить, побежал бы к Фролу за добавкой.

– Три рубля – негромко сказал я.

– Бери – махнул рукой купец.

Как это в книге про ходжу Насреддина: продавец оказался сговорчивым и после часа криков и споров... Я бережно взял свое чудо в руки, ласково повертел, начал отсчитывать рубли. Купчина бубнил рядом.

– Полгода сбыть не могу, отчаялся уже. Покупатели смотрят, а не берут. Почему неласков был – твои ходят часто, но проку от них нет. Разложил монеты по прилавку, купец их жадно схватил.

– Расчет полный, претензий нет?

Говорил я отчетливо и громко.

– Всем доволен! – бодро ответил веселый торговец.

– Соседи слышали?

После песни, из-за прилавков рядом и напротив за нами следили очень внимательно. Отозвались тут же: да, конечно, да, да... Ну можно уважить купчика напоследок за внимательность. Я взял домру покрепче, отступил на пару шагов, вдруг Тишило прыгнет, и очень внятно проговорил.

– Такая замечательная вещь на рынке – в большую редкость. Обычно их делают на заказ признанному мастеру, играть в княжеских и боярских теремах очень богатым и знатным людям. На обычный прилавок, к не знающим ее истинной цены людям, она может попасть только случайно. У меня с собой только десять рублей. После того, как я на ней поиграл, отдал бы деньги без звука. Надо было бы, сбегал за прибавкой. Вещь очень дорогая, и красть ее можно только под заказ другого мастера игры на домре, их в Новгороде пока нет. Я учился у арабов, такого замечательного инструмента ни у них, ни на Руси не видывал. Ладно мне, слава богу, продали всего за три рубля. Я-то и двадцатку бы отдал безропотно, если бы видел, что ты настоящую цену инструменту знаешь.

Полюбовался рожей хрипящего купчика, подумал: ну тебе, друг любезный, до конца жизни будут говорить: шел бы ты дровами торговать. Через несколько дней, рынок облетит история, как опытный купец продал вещь вместо сотни за трешку. А с последующими добавками и привираниями, красота будет неописуемая.

Буркнул парням, стоящим с ошарашенными от моего вранья рожами, что уходим. А сам, удаляясь, начал играть сложный проигрыш из Барыни, рассчитанный на балалайку, все ускоряясь и ускоряясь.

Глава 4

Молодые шли, тихо беседуя между собой. Один догнал и поинтересовался, точно ли я у арабов жил?

– Немного, всего год. Работал, осваивал игру на домре и на гитаре. Много повидал там интересного, многому научился. В Дамаске меня как-то завели в старейшую мечеть. Там арабы молятся Аллаху. Место силы. Стою в ней, чувствую – на голове волосы поднимаются. Нигде такого не было, и нет. Язык, правда, не выучил. Стойте!

Я увидел прилавок шорника. Там было все, что мне нужно. Померяв по себе и домре, взял кожаный ремень по размеру. Постоял, подумал.

– А сапожник тут есть?

– И не один.

Меня подвели к сапожнику.

– Кривые гвозди у тебя есть?

– Найдем.

– Самые маленькие, четыре штуки, – уточнил я.

– Есть.

– Прибей вот этот ремень.

Показал, куда вколачивать. Кривые хороши тем, их крайне трудно вырвать потом. Обувщик усомнился в крепости деки и корпуса. Что же делать? Тогда я ее на гриф прибью, а с другой стороны – приклею.

– Впрочем, – сообщил сапожник, – тут близко стоит столяр. Он с деревом работает, и скажет точно – можно ли колотить, и, если можно, сделает это лучше меня.

Мастер продал кривых гвоздей, и мы пошли в указанную сторону. Краснодеревщика нашли быстро. Объяснили суть дела. Парни кричали и горячились больше меня.

– Давайте сюда вашу домру. – Повертел, подумал. – А что надо делать?

Я подал ремень и гвозди.

– Нужно прикрепить этот конец тут, а вот этот – сюда.

Столяр опять подумал.

– Не пойму, в чем трудность? Вас шестеро здоровых парней, неужели никто ничего делать не умеет? Или молотка нет? Так я вам дам немножко постучать.

Я посмеялся в душе: вырос в частном доме, отец тоже столяр-краснодеревщик. Молоток с топором в руках у меня сидят, как влитые.

– Трудность в том, что инструмент очень редкий и дорогой. Сломаем – не восстановим, – сообщил я ремесленнику.

Столяр с сомнением пробурчал, что, мол, такой-то сделаем. Ну, что же, повеселим новгородского Страдивари. Я прошел за прилавком, сел на хорошо сделанную табуретку, закинул ногу на ногу, пристроил домру поудобнее и начал играть.

– Ну, эта песня немецкая. Мне наши и ближе, и родней.

Спел нашу, народную, исконно русскую: «Вдоль да по речке». В общем, ой, да люли! Плотник сидел обалдевший. Песню про автономное плавание сизого селезня уверенно можно было включать в репертуар. Я перестал петь и проиграл то же самое без моего голоса. Звучала только моя новая прелесть.

– Впечатляет, как домра музыку выдает?

– Да-а...

Столяр бережно взял музыкальный инструмент в руки, повертел. Высказал свое мнение.

– Знатная вещь! Ну, вот это, – берясь за гриф – дуб. Очень крепок. Любые гвозди выдержит. И два, и три. В воде только крепнет. А вот это – произнес он, крутя в руках корпус – ясень. Но сделан как-то хитро...

– Он склеен из очень тонких кусков дерева – вмешался я. – А перед этим его изгибают, как – не знаю. В деку давай колоти, столяр.

Тот пришил ремень на один конец с двух сторон.

– Ладно, а где взять хороший клей?

– А что клеить-то?

Показал кожу и ясень.

– Это казеиновый или рыбий. Мездровый будет слабоват. Рыбий ужасно дорог, да он тебе и без надобности.

– А где взять?

– Их лавка в самом конце этой улицы.

– Мы знаем, – загалдели музыканты.

И, простившись с русским мастером струнных инструментов, пошли дальше. Есть уже ужасно охота. Кстати, пока не забыл. Остановился.

– Ребята, я вам денег должен.

Отсчитал им рубль. Они радостно загалдели.

– Что-то много даешь, договаривались на полтинник.

– Ваш дудочник играл при толпе для спорщика.

– Да мы тоже так можем!

– Это потом рассчитаетесь, между собой. Вы ели давно?

Парни потупились.

– Еще вчера, утром.

– Чего-то давно. Пост что ли такой?

– Денег не дают! Целый день бродим, все ноги уже оббили. А в кошеле – на одну кружку кваса. Если бы не ты, только и идти воровать.

Да, дела веселые...

– Ребята, может вместе походим? Поиграем, попоем?

Буря восторгов и объятий. С трудом вырвался.

– Только одно условие.

Они стихли.

– Меня слушаемся – я старший. Если вы делаете что-то свое, расстаемся, играйте сами.

Более тихо, чем перед этим, молодежь согласилась с моим диктатом.

– Конечно, мастер. У тебя – опыт, знания...

Я опять заговорил.

– Сейчас купим кое-какую мелочь и обедать. Кто может против?

Все были за. Мы прошли через рынок. Ребята не удержались схватили с голодухи по пирожку. Я обошелся без этого, надеясь на скорое посещение харчевни. По ходу купили мне небольшую (как в прошлой жизни!) сумку. Я тут же сложил в нее все, кроме домры. Купили казеиновый клей. Туда же! Выйдя с рынка, увидели кузницу. Зашли. Я показал кузнецу домру. Пощипал струну:

– Такую вот сможешь сделать?

Тот не удивился. Видимо видел и раньше. Вытер руки какой-то грязной тряпкой. Потрогал, почерневшей от кузнечной работы, лапшей струну.

– Такие я уже делал, – сказал он глухим голосом. – Скоморохи забегали недавно – у них такая же лопнула. У меня кусок остался.

– Покажи.

Он прошел за наковальню, погромел там чем-то и вынес кусок проволоки. Пощупал: по длине один в один, но толще моей гораздо.

- Толстовата, – сказал я.
- Молодец, заметил.
- И что делать?
- Сейчас доведем ее до ума.

Подручный ухватил будущую струну клещами и понес к огню.

- Платить сейчас будешь? В долг делать не буду.
- Деньги есть. Думаю, сразу закажу струны три.
- Одну сейчас выдам за полтинник, две завтра, после обеда. С тебя будет еще полтинник.
- Сейчас сделаете все три, рубль отдам сразу.

Подмастерье притащил раскаленную проволоку, они взялись колотить по заготовке. Я от грохота вышел с ребятами на улицу. Один из молодых высказался, что проще отдать кузнецу полрубли, да и пойти.

Молодцы ждали ответа.

С таким подходом я боролся еще в брежневскую пору.

Подрабатывал в «Скорой помощи», там платили побольше, чем в больнице травматологу. Завелась там наглая бабенка в бухгалтерии. Раз недоплатила мне в получку. Я, посчитав все прибавки, добавки и вычеты по расчетному листу, это быстро понял. У медиков заработная плата, особенно в Скорой, рассчитывается посложней, чем в других местах – колеблется количество отработанных часов, отдельно ночные, праздничные, доплаты за стаж, за категорию, колесные, праздничные, больничные. Конечно, новенькие бухгалтерши ошибались. Я посчитал, нашел ошибку и пошел в бухгалтерию. Она все внимательно проверила, посоветовалась с главбухом и заявила, что сумма-то, мелкая!

– Действительно. Для большого завода просто незначительная. Стоит ли огород городить. Отдайте мне ее из вашего кошелька, да я и пойду, – ласково поддержал я эту разумную идею.

Для нее это был удар.

- Из моих?
- Да, из ваших.
- Как вы можете! – сорвалась она на крик.
- Я теряю, вам наплевать, но за свое нужно убить? Так что ли?

В бухгалтерии сидела очередь. Вот, вот они всех обсчитывают! А мне в прошлом месяце, а мне в позапрошлом... Больше на мне бухгалтерских сбоев не было.

Примерно так же я решил поучить и паренька.

– Раз решил, так сам и гони полтину. Ты мне завтра струны, а я тебе деньги верну – сумма то мелкая.

Он заметался.

- У нас на всех меньше осталось, мы пирожки купили...
- У меня тоже лишних нет. Я сейчас отдам полтинник, а завтра струна не подойдет. Деньги кузнец не отдаст, скажет: мы работали, и будет прав. В общем, я остаюсь. Кому не нравится, могут уходить. Навсегда. Притихший было коллектив взревел.

– Мы остаемся! Этого идиота давно уж гнать хотели! Он Ванька всегда был поганка!

Все, как в сказке: Иван всегда дурак. Но не нужны мне в команде ненужные прения... Придется одним пожертвовать. Власть должна базироваться не только на любви и уважении к начальству, но и на некотором страхе. Кроме пряника должен быть и кнут. Повернулся к юноше.

– Уходи!

На мальчишку было жалко глядеть.

– Простите, больше не буду..., – лепетал щедрый юноша. Наверняка тайный богач!

Я оглядел коллектив.

– Желающие могут идти с ним.

Такой расправы над парнем ватага не ожидала. Думали, что поругаюсь, может поору, но так... Они горячо стали просить за юношу.

– Да он все понял, Иван раскаивается...

Я подумал некоторое время и сказал:

– Хорошо.

Ликование охватило музыкантов. Подождал некоторое время, пока улягутся эмоции народа и повел их опять в кузницу. Струны были в самый раз. Я отдал рубль, забрал изделия, и мы весело пошли обедать.

Харчевня была в двух шагах. У корчмы ребята поймали меня, бегущего как молодой олень, за руку.

– Мастер, здесь дорого.

– Меня это не смущает – ответил я.

Из отнятых у Фрола денег почти половина уцелела.

– Так ты иди, кушай, а мы тут погуляем. Потом, если надо будет, отведем, куда скажешь.

Посмеявшись в душе над сказанным и, представив, как говорю, пьяный в дугу, костромской адрес 21 века, а они его ищут до ночи по теперешнему Новгороду, недоумевая, куда же делась улица Советская – советы дают все, кому не лень, а место обитания главных советчиков исчезло, твердо обозначил свою позицию.

– Идем все, плачу только я. Споры неуместны, празднуем покупку домры!

И мы пошли жрать и пить. Сели за стол, подбежал половой. Я терпеть не могу ожидать в кабаке долго.

– Что у вас есть, чтобы дать быстро?

Он перечислил: гусь, утка, куры, налим, осетр, икра соленая и т.д., и т.п.

– Мне осетра, гуся с гречневой кашей, водки, хлеба, морс. Велик ли осетр? – вспомнив, что бывают огромные.

Официант махнул руками шире плеч. Годится.

– Икры, капусты квашеной, сала соленого порезанного. Ребята, а вам чего?

– Ну, нам бы каши... – прошептали на разные голоса. Скромняги вы наши новгородские! – Ладно. А вина, пива?

– Пива.

– Если оголодаем, баранина есть? – опять просолировал я.

– Доходит.

– Ну, тащи.

Половой замялся, потупился.

– У нас дорого...

– Посчитай!

Я начал думать, от чего можно избавиться. Ну, посмотрим, что он там насчитает. Четыре рубля, объявил трактирный служака, который явно живет с чаевых. Сам внимательно смотрит за моей реакцией – убегу или нет. Наш затрапезный вид, видимо, внушал ему подозрения. Я порадовался в душе доступности суммы. Изгнания удалось избежать.

– Тебя как звать-то?

Половой слегка ошалел. Ему на внешний вид можно дать лет тридцать-тридцать пять, видал виды, и на службе, явно, не первый год. И, похоже, впервые кто-то из посетителей поинтересовался его именем.

– Олег – еле слышно.

– А отчество?

Ощущение было, видимо, умопомрачительное. Его аж качнуло, и он ухватился за край стола.

– Акимович.

Я вынул из кошель рубль.

– Это за еду задаток. А дети у тебя есть?

Трактирный старослужащий был потрясен. Даже хозяин харчевни никогда этим не интересовался.

– Трое: два мальчика и девочка.

– А вот это, Олег, им на подарки.

Я выдал еще полтинник. Он пытался что-то возразить.

– А тебе – после окончания еды. И моего таланта – добавил про себя. Половой поскакал на кухню, как молодой олень. К нам, вначале, он брел, как старый лось. Ну ладно, полно других забот.

– Я, ребята, хочу снять часть дома с другом. Хозяйка пусть тоже живет. Но родственники, многочисленные друзья, брехливая собака – нежелательны. Владетельница лучше пожилая.

Длинный Егор тут же среагировал.

– Я у такой старушки живу. Вчера, когда дрова колол, она попросила найти еще парочку жильцов.

– Надо поглядеть на дом, – заметил я.

– Он замечательный: и просторный, и крепкий. Муж плотник был. В годах тоже, но крепкий. Этой зимой от простуды помер.

– Бабушка-то не жадная?

– Она без мужа обнищала совсем. Мы с ней вчера последнюю краюху хлеба доели. Сегодня голодная сидит. На огороде пока только лук да укроп выросли. Хозяйка говорит, пусть хоть на хлебушек за проживание расщедрятся.

Тут Олег принес гуся.

– Послушай, – решил я, – очень быстро принеси курицу, каравай хлеба. Что еще?

Егорка потупился.

– Так мечтали вчера о пироге с рыбой!

– Есть?

– Найдем для хорошего человека.

– Курицу заверни получше, нам на вынос.

– Постараюсь.

– Неси.

Вопрос о моей платежеспособности больше не стоял. Флейтиста пробило на слезу.

– Отработаю, отслужу. Что хотите...

– До старушки далеко?

– Я махом!

– Не торопись. Мы тут изрядно посидим. Бабушке скажешь, что харчи сам за сегодня заработал.

Его возражения типа – это же вы, я пресек.

– Ей будет приятно, а мне все равно. Там решишь: вернуться к нам или до завтра. – Повернулся к ребятам, – Знаете, как найти?

Они задвигались, зашумели.

– У нас есть место встречи, найдемся...

Акимович принес все, что требовалось. Курица была тщательно завернута и пирог с караваем тоже. Да, для хорошего человека, все отыщется и все переделается. Я этого навидался в свое время.

Но у Егорки-то сегодня и сумки нет, свирель свою в руках вертит, думает – как все ухватить. Поможем. Я взял в руки свою сумку, широко ее раскрыл, scomандовал: клади сюда еду! Молодой растерялся: как же, надо же пораньше... Дурень этот, видимо, полагает, что старший припрет бабке жранину поздно или завтра. И эх! Ласково объяснил, что положим бабушке кушать, флейточку сверху, чтобы не изломать, и побежит он сам, немедленно и очень быстро – кормить старушку. Окрыленный Егорушка быстренько уложился, подхватился и унесся. Половой уже наносил еды и ждет указаний или дальнейшего улучшения своего финансового положения. Ну, пусть подождет, денег пока нет и неизвестно, когда будут.

– Акимович, мы поедим, нас не тревожь. Надо будет, позовем.

– А вот...

– Ничего пока не надо.

И мы набросились на гуся. После первых укусов его ноги я понял, что упущено. Водка! Мы же должны отпраздновать покупку домры. Сказал об этом музыкантам. Они одобрили, налили себе пива. Я от пенной радости отказался – не люблю.

Плеснул себе водки. Вздروгнули. Вот тут уже заели основательно. Помня о том, что между первой и второй перерывчик небольшой (мудрость алкоголиков), шмякнул вторую. Похорошело. Как иностранцы, пить по двадцать граммов в час, русский не будет. Нашему главное – не опиваться. Если ты пьешь больше меры: роняешь морду в салат, не можешь идти, говорить, делаешься буйным, опохмеляешься, на другой день тянет выпить – все, приехали. Это может длиться долго. Смешно глядится в театре и кино, звучит в анекдотах, читается в книгах – а на самом деле это надвигающийся ужас.

Ты умный, успешный, удачливый человек, лишаешься в жизни всего: с работы тебя вынуждены выгнать, жена рано или поздно, намучавшись, уходит, дети ненавидят. Поэтому как увидел первые опасные признаки – больше в рот алкоголь не бери. Иллюзиями себя не тешь. Да я волевой, брошу в любой момент – это фикция, на ней сторели миллионы мужчин и женщин. Это ты сейчас все можешь. А втянулся в каждодневную пьянку – воля твоя слабеет, за стакан водки продашь и мать, и жену. Да, об этом много говорят и пишут, но миллионы из года в год попадают в этот капкан. Сейчас и мне пора сделать паузу.

Я взял домру в руки и начал играть разные мелодии своего времени. Кабак заинтересовался.

– А ты петъ-то можешь?

Хотелось ответить: с трудом и матом. Но не время.

– А о чем петъ?

– О любви! – и последовал жеребчий хохот.

– О вашей между собой? То-то я вижу, как он тебя обнимает и целует... – Ты что хочешь сказать, гад?

– Ну, что я вас любить не буду.

Тут пошел хохот всей харчевни. Двое с красными рожамй подлетели к нашему столу. Да мы тебя сейчас... Я не боялся. Их двое, нас пятеро. Сейчас они проорутся, пошумят и уйдут. Но все решилось иначе. Уверенный хриплый голос сзади решил поучаствовать в этом празднике жизни.

– Что-то вы сегодня наглые... Зажились, видно на белом-то свете!

Сзади, за трактирными грубиянами, стояли, подбоченясь, три добрых молодца с саблями на боку, похоже привычные к бою. Лица, продубленные, ветром и дождем, уверенные. Ощущение, что нужно будет – и против десятка встанут. Торговцы их знали. Они торопливо сорвали шапки и кланяясь забормотали:

– Мы не хотели...мы все поняли...

– Пошли вон, – сказал, как плюнул, боец.

Наглецы махом унеслись из кабака прочь.

Я встал побеседовать с уважаемыми людьми. Они крепко пожали мне руку.

– Этих гнид мы давно знаем. Приказчиками у купца Скорина служат. На ушкуи часто берем у них крупу, муку. Уж не знают, как нас лизануть. Ну да ладно. Мы к тебе по делу. Вы ведь скоморохи?

– Ну, да. Обычно нас шестеро, сейчас один отошел. Спеть что-то надо? – Мы ушкуйники. Парень у нас молодой, атаман ватаги. Вон сидит. Печалится он последнее время. Полюбил девицу, купеческую дочь. И потерял покой. Обычно пьет по чуть-чуть или вовсе не употребляет, ну не любитель. А сегодня одну за одной, одну за одной..., почти не закусывает. И печальный, будто умер кто.

– Не любит его девушка? – вникал я дальше.

– А вот это выяснить Матвею не удалось. В дом к ней его не пускают, волкодавов спускают. Отец говорить не хочет. Ходит она только в церковь. Рядом бабка, злая, как черт. Матвей пытался поговорить, старуха-приживалка огрела его палкой, с которой ходит. А мать в другую церковь отец водит.

– А я чем могу помочь?

– Ну, присядь к нему, отвлеки чем-нибудь, спой песенку. С нами он говорить не хочет. Денег мы дадим.

– Сейчас, только подумаю.

В раздумьях прошло минуты две.

– А Матвей не трусоват?

– Отваги необычайной в бою. Один может на сотню броситься. Кличка у него среди нас – Смелый. Говорят – вон ушкуй Смелого идет. Никогда и ничего не боялся! И до баб был горазд, а тут дал слабину. Предлагали ему девчонку утащить и обвенчаться втихую. Можно и уехать в другой город. А к родителям прийти через год с внуком. Примут, куда денутся. Да и кому она после него будет нужна? Не хочет. Девушка будет сердиться! Без родительского благословения – не пойдет под венец. А силой он ее брать не будет – большая любовь парня посетила.

– Ну что ж, попытаемся помочь, – сказал я. – Только вам пока лучше здесь посидеть.

– Мы тут с ребятишками побудем.

Надо идти. Подошел к одиноко сидящему спиной ко мне юноше, сел. Он поднял абсолютно мертвый взгляд.

– Здесь занято, произнес Смелый.

Да, тяжело любить без надежды.

– Они вон присели с моими парнями.

Матвей даже не обернулся. Налил водки и выпил. Еду не взял. Я закинул ногу на ногу, устроил домру поудобнее и запел песню про любовь. На втором куплете ушкуйник заинтересовался, начал внимательно слушать. После заключительного куплета переведенных на русский англичан, – тяжело вздохнул.

– Несчастливая любовь?

Понуро кивнул. Я раскручивал дальше.

– Девушка терпеть не может?

Тут его прорвало.

– Она мне улыбается, видно, что рада моему приходу, а я ничего не могу сделать.

По ходу он называл ее имя. И рассказывал, и рассказывал. Всплыли все отрицательные персонажи: собаки, отец, злая бабка с клюкой и все подробности событий. Я уже давно его не слушал, а вспоминал песни с этим именем – Елена. Ничего достойного. И тут осенило: есть такая! Заменить имя и переделать кое-что. Не зная оригинала, не почувствуешь разницу. И очень удачный припев. Парень как раз закончил. Ну, начали!

– У меня есть одна мысль.

Он насупил брови.

– Говори. Но красть девушку – не буду.
Я собрался для броска.

– В какое время она ходит в церковь?
– Утром, к службе.

Тут уже вернулся кормилец старушек Егор, махнул мне и навалился на еду. Пошли дальше.

– Ты петь-то можешь?
– Нет. Музыку вру.

– Идея моя такова: идешь к церкви, дожидаясь девушку, потом ждешь, когда она выйдет, идешь сзади и кто-нибудь поет.

– Смысл?
– Послушай песню.

Я спел.

– И с именем-то угадал.

– Ты мне сам сказал. А главное – смысл этого пения. Отпел, и тут же сделал предложение руки и сердца! Как встретиться у нее дома, посвататься? Мать и отец поговорить вам в спокойной обстановке не дадут.

– Да, родители точно будут против.

– Ну, думаю нескольких дней ей будет достаточно, чтобы их уломать, если она захочет тебя видеть. От церкви до ее дома далеко?

– Квартала четыре.

Прикинул: спеть раза три успею. Девчонка с первого раза может не понять.

– Ну, опасно...

– А чего опасного? Ты идешь молча, не нахальничаешь. Только дирижируешь.

– Это как?

– Вот так.

– Зачем?

– А затем, чтобы Елена не подумала, что я тоже за ней ухаживаю, и поняла – все это делается по твоей команде. И поем до самого ее дома. Все за это время будет ясно – хочет девушка за тебя замуж или нет. Ты не дерзишь, за рукав не хватаешь, молчишь.

– А как понять?

– Либо она молча, и не оборачиваясь, быстро уходит домой, либо останавливается и слушает.

– А зачем много раз петь?

– С первого раза вообще трудно понять что-то, кроме своего имени. А дальше – как пойдет.

– Но я же сразу понял!

– Ты на ушкуе давно плаваешь?

– Лет пять.

– А в бою побывал впервые?

– Так же.

– Кем ты там сейчас?

– Атаманом уже второй год.

– За смелость?

– Больше за верные и быстрые решения. А трусов на ушках нет.

– Чего же ты ждешь от девочки, ничего в жизни не видевшей, без опыта и, наверное, моложе тебя? Всю жизнь она за отцом и матерью.

– Ну, если любишь...

– Ты на ушкуй пришел, сразу атаманом стал?

– Да ты что!

– А Елена тут же должна? Новичку надо дать оглядеться, войти в понятие. Время нужно и для принятия решения. Ты быстрый и опытный барс, а она неопытная и молодая лань. Надо будет, неделю ходи и пой!

– Ну, мне подумать надо... Там еще бабка эта...

– Думай хоть до зимы, пока Елену кто-нибудь побойчее тебя, замуж не возьмет. Скажешь – эх, не повезло, и в кабак – глаза заливать. А я все сказал, пойду поем.

Парень задержался.

– Ты тут что хочешь есть, пей, денег возьми...

Я улыбнулся, встал и пошел. Матвей кричал вслед о моем бессердечии и жестокости, ледяном сердце... Вот и наш столик. Сел, налил себе водки, выпил. Да, трудный сегодня денек. Начал заедать, осматриваться. Ушкуйники выглядели опарашенными. Подождав, пока немного наемся, тихо спросили:

– А чем же ты Смелого-то так донял? Мы ни в одной переделке его таким не видели.

Не переставая жевать, объяснил, что изложил парню свои мысли по решению его проблемы. А он думает. Кстати, добавил я, с вас по рублю за мою работу и пение.

– Конечно, конечно.

Ссыпали рубли. Теперь за бабушкину еду расплатимся.

– Ну, мы пошли?

– Не советую. Придете – он начнет с вами советоваться, обсуждать. Ему сейчас решение надо принять, а не болтать. Думайте.

Они обмозговали все быстро – сразу видно, что матерые бойцы. А в бою межеваться, да раздумывать особого времени-то и нету, порубают враги в капусту.

– Посидим еще. А то Матвей чахнет все больше с каждым днем. Ты не против?

– Только приветствую. Всегда рад честной компании.

Я подозвал полового.

– Олег, нам бы еще водочки. Кстати: а где осетр?

Он убежал. Вскоре все было подано. Хлопнули еще по одной, и я впервые в жизни поел осетрины. Рыба как рыба, ничего особенного. Егорий рассказал, старушка была и ему, и харчам рада. О том, что мы с Фролом можем жить, сколько угодно. Нет денег, ну и ладно.

Потом Аграфена (её так зовут) пыталась его покормить. Егор сказал, что сильно занят, придет поздно и ждать его не нужно. Усадил ее кушать, проследил за ней, чтобы не берегла ему куски. Сообщил, что поест на работе и убежал.

Ушкуйники спросили, почему я без жилья. Объяснил, что в Новгороде второй день. И тут объявился Матвей. Он подошел железной поступью командора. Похоже мяля и рохла исчез. Оглядел всех орлиным взором.

– Оставьте нас.

Ушкуйники исчезли в момент. Мои парни глядели на меня, ожидая команды. Молодцы! Трусов не люблю.

– Ребята, погуляйте где-нибудь близко, – попросил свою команду я.

– На улицу можно?

– Подышите.

Перевел глаза на бойца-профессионала из спецназа Древней Руси.

– Слушаю.

– Подумал, решил: петть будешь ты, хочешь один, хочешь с командой.

– Они мне нужны, чтобы мешающую старушонку убрать подальше от девицы, один не справлюсь.

– Хочешь, моих еще тридцать человек возьми, в любой момент подгоню.

– Обойдемся, можем напугать девицу. Когда начнем?

- Завтра, устал я возле нее сопли жевать.
- Вот это речь не мальчика, а мужа!
- Сколько денег возьмешь?
- Сейчас мне пять рублей, завтра ребятам также.

Матвей высыпал деньги.

– Возьми сразу десять. Обязательно будь сам. Я новичок, а ты похоже, человек опытный. При ней не растеряешься. В случае чего, моего мнения не спрашивай, командуй, как своими парнями. Я тебе верю.

- Объясни музыкантам, куда пройти.
- А тебе нельзя?
- Не местный.

Он унесся, как молния. Действительно, быстр. Не успел дух перевести, как мои музыканты с Матвеем во главе уже усаживались за столом.

– Объясняй.

Ушкуйник начал говорить. Длилось это недолго – двое из наших эту церковь прекрасно знали. Боец ушел к своим. Я начал объяснять музыкантам, что завтра будем делать. Быстро понял, что все надо показывать на местности, с прогоном текста и музыки. А то тут они отвлекутся, тут испугаются.

Ох, не зря военные устраивают учения. Когда я был студентом, нас пять лет из шести учили военному делу в теории. А потом вывезли в лагерь. Там мы жили в армейских палатках вместе с обычными воинскими подразделениями. Одели в шинели, кормили вместе с солдатами, гоняли бегом на марш-броски с полной выкладкой. Как-то на одном из этих бросков увидели гриб взрыва, знакомый каждому по фотографиям. Атомный, ахнули мы. И стояли, разинув рты, вместо осмысленных действий, которым были обучены. Наше оцепенение прервал преподаватель нашей военной кафедры, подполковник: чего встали? Залюбовались взрывом бочки с бензином? Шагом марш!

На врачебной стезе слушать преподавателя в тихой аудитории и возиться с больным при работе в «Скорой помощи», где я долгое время подрабатывал – две большие разницы. Человек, которого лечишь, может быть буйным, пьяным, вырывающимся, пытающимся тебя ударить (иногда ему это удается), а ты делаешь свое дело. Пациент теряет кровь, задыхается, времени лишнего нет. Решения часто должны быть мгновенными. Моих музыкантов тоже надо обкатать. Я взял с собой на завтрак сыра, колбаски, вареных яиц. Доплатил. Поговорил с Олегом насчет давешних приказчиков и ссоры с ними.

– Редкие сволочи, – заметил Акимович – на работе перед всеми гнутся, а уж тут чего творят! Ну ладно, передо мной выделяются. На копейку возьмут, а уж гонору-то, претензий – тьма. Если видят, что человек один, могут его донять и, выманив на улицу, избить вдвоем. Я не раз корчмарю рассказывал про их проделки. А он: у меня в заведении тихо, а копейку они несут. Не понимает, что приличный человек сюда больше и не покажется, знакомым тоже отсоветует. Потеряет хозяин реальные деньги. Мне не верит. Это, говорит, из-за того, что чаевых от них тебе мало. А они мне гроша сроду не давали. С тобой-то шумели бы недолго. Встали бы твои ребята – враз бы сели приказчики за свой столик без дальнейших претензий. А ушкуйники за тебя встали – торгаши больше сюда не придут. Одного на улице встретят, обегут по кривой.

– Что, бойцы так страшны?

– Покалечат, а то и убьют враз. А хозяин приказчиков, если узнает, что у них какие-то распри с такими оптовиками, выкинет мгновенно.

Я выдал полтину чаевых. Половой замаслился.

– Вы обязательно заходите к нам почаще.

– К тебе лично, – уточнил я.

Его чувства ко мне достигли апогея. Он проводил меня не только до двери, но и далеко за порог.

А мы пошли к месту завтрашней, уже оплаченной, работы. Церквушка была небольшая, но очень приятная снаружи. Подойдя к крыльцу, я осмотрелся. Вроде никаких нюансов. Отошел на три шага. Скомандовал:

– Отсюда пойдём.

Ребята молча двинулись за мной следом. Еще через несколько шагов:

– Отсюда заиграем.

Музыканты тут же сообщили, что нищие тянутся отсюда ещё изрядно: кто сидит, кто стоит.

– И что?

– Так они же заорут, драться полезут.

– Почему?

– Церковь активно с амвона призывает запретить дьяволовых слуг -скоморохов. Попрошайки, они тут активно зарабатывают, нас черт посылает, у них кусок хлеба отнять.

– Вот оно как...

Я прикинул, кто мне меньше всех нужен.

– Вот ты, – ткнул пальцем в парня с трещоткой, – пройдешь после нищих шагов пять, встанешь и будешь слушать.

– Чего?

– Мы немножко отойдем. И я заиграю на домре. Когда перестанешь меня слышать, беги к нам. Понял?

– Да, да.

И мы пошли. Заиграли и запели. И оказалось, что у меня играть, петь и идти одновременно, хорошо не получается. А рисковать нельзя. И учиться некогда. Спросил у ребят:

– Может быть, кто хоть как-то на домре играет?

После небольшой заминки отозвался парень с бубном.

– Я немножко учился.

Показал перебор струн, сыграл, спел. Передал ему инструмент.

– Пробуй.

Он попробовал, получилось. Правда не очень. Потренируем. Спросил молодца:

– Ты ночуешь у кого?

– У дальних родственников.

– Если не придешь сегодня на ночь, не сильно расстроятся?

– Двоюродный брат Семен и не заметит, а его жена Авдотья вечером отдохнет от своего гнуса, о том, как родственник все в доме сожрал.

– Надо сегодня переночевать с нами, подучиться.

– С удовольствием.

– Ну, думаю по музыкальной части – все. Пошли по организационной. К первой службе всем подойти сюда. По моей команде идем с ушкуйником за девушкой со старухой. Махну рукой, заиграете эту мелодию, сейчас без домры. Матвей будет размахивать руками, внимание не обращать. Музыканты начали. Послушал. Приемлемо.

– Я запою, когда решу.

Махнул рукой. Понеслось. Вступил, когда они сыгрались.

– Далее – играем без перерывов до дома девушки. Если она встанет, поем дальше. Пойдет к Матвею, быстро перехватываем бабку. Она ни в коем случае мешать им не должна. Старуху держим за руки, поворачиваем к молодым людям спиной, затыкаем рот тряпкой. Завязываем сверху платком, чтобы не выплюнула. Прячем сзади под волосы. Стоим, беседуем. Бабуся сурового нрава, попытается укусить или пнуть. Не удивляться, не вскрикивать. Что надо делать

далее, скажу завтра по обстоятельствам. Вам молчать до раздачи заработанных денег. Кто чувствует, что не справится, откажитесь сразу. Вопросы?

– Если боюсь не справиться и откажусь – прогоните?

– Нет. Играйте по харчевням вместе с нами. Но и денег, конечно, не выдам. Подумайте за ночь. Кто не хочет, просто не приходите. Теперь: кто сможет принести тряпки в рот и на завязку?

– Я!

– Тряпки чистые?

– У меня сестра – швея.

– Всё. По домам.

И мы разошлись. По дороге выяснил у моего заместителя по игре на домре, как его зовут. Бажен. Зашли сообщить Фролу, куда я делся – его на месте не оказалось. Минут через десять пришли. Дом, действительно, справный. Зримых дефектов нет. Бабуля нас встретила ласково.

– Проходите, гости дорогие, располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Оно и понятно. Пришла не неведомая пьянь и рвань, а сослуживцы любимца. Посидели, поговорили о том, о сем: про погоду сейчас и в прежние годы, о ценах на все. Это было очень удачно: у меня опыт был незначительный, всем ведал Фрол. А тут, вроде, мы люди не местные... Заодно узнал о положении на Руси. Сейчас в Новгородской Республике сел княжить Давид Святославович. Обычно такие сидят год – редко два, его Киев Новгороду вместо любимого горожанами князя Мстислава Владимировича навязал. Впервые таких слышу. Думал имена не наши. Хотя Давыдовы не редкая и у нас фамилия.

Однако, пора обучать молодого. Старушка выделила по комнате. Топчаны были в наличии. Ну вот, сегодня ночуем с парнем, а завтра он уйдет, и заселится Кузьмич. А сейчас – забренчим!

Мы сели, он взял в руки домру.

– С чего начнем, мастер?

– Времени у нас мало, а я устал. Поэтому сегодня отрабатываем только песню для Елены. Бажен пожал плечами.

– Как скажешь.

Начал играть. Слабенько. Что же, отшлифуем. Стал показывать – как правильно держать руку, как перебирать пальцами и так далее. Через три часа парень играл уже сносно.

– Все, на сегодня хватит. Беги в свою комнату.

Юноша ушел. А я разделся, упал в кровать и уснул.

Подняли меня утром. Умылся, пошли завтракать. Оставил хозяйке полтинник, попросил что-нибудь купить и приготовить еду по ее вкусу. Пора идти. И понеслось!

На ходу думал, кто может не прийти. Меня волновали только тряпки. Не держать же бабке рот зажатым. Во-первых, она укусит. Во-вторых, девушка может увидеть. И вся наша экспедиция будет сорвана. Заказчик будет роптать страшно. Перенести на другой день он тоже не даст. Хотя есть вариант – сказать, что скрутило живот и спеть завтра. Что ж, можно. Появилась церковь и прыгающий возле нее Матвей. Рядом стоял паренек с тряпками. Вдохнул с облегчением. Лживых объяснений и переносов не будет. Орда буйных нищих стояла, сидела, ползала с обеих сторон дорожки. Пока они лаялись между собой. Сейчас, после окончания службы, должен выйти народ. Музыканты пришли все. Подождем. Через некоторое время из церкви потянулись прихожане. Ну вот и Матвейка рванулся. Сейчас увидим писаную красавицу.

Девушка часто оборачивалась, строила парню глазки. Тот млел. Все идет по плану. Баба-Яга тоже никуда не делась. Семенит рядом, палка при ней. Обе в белых платочках. Тряпки у нас тоже такого цвета. Побирušки и убогие галдят во весь голос. Я повернулся к ребятам.

– Никто возле попрошаек не остается. Ждите моего взмаха рукой.

От просящих отошли, махнул рукой. Полилась музыка, следом песня. Дирижер, похоже, озяб окончательно. Эх, что любовь с людьми делает! Ладно, дергать его не буду. Купеческая дочь заинтересовалась, стала оборачиваться почаще. Смотрела уже больше на меня. Очень громким голосом объявил:

– Ушкуйник Матвей заказал мне эту песню для самой красивой девушки Новгорода. Он очень сильно ее любит и хочет на ней жениться.

Схватил его за плечи.

– Матвей, скажи любимой все сам!

Подтолкнул парня вперед. Смелый поплелся с трудом. Елена уже стояла лицом к нам и глядела только на него. Я скомандовал парням:

– Вперед очень быстро!

Бабка хватала девушку за плечо и орала, как мартовский кот. Та не обращала на нее внимания. Мы подлетели, схватили старую за руки, оттащили в сторонку, забили кляп в рот. Ленусе на судьбу приживалки было глубоко наплевать. Тут решается судьба, а эта караульщица мешает. Белую тряпку на фоне такого же цвета платка прятать не понадобилось – не видно. Бабка в руках ребят билась как лев, извивалась и пыталась их пнуть. Пока не получалось. Да, это пора пресечь. Я зашел со стороны лица и внятно сказал:

– Послушай меня, старая карга, если хочешь выжить.

Мерзкая старуха перестала возиться, что-то стала мычать.

– Матвей только при вашей девчушке тихий и добрый. А так он зверь и убийца. И на его ушкуе еще тридцать таких же. И все его команды исполняются беспрекословно. Поэтому если ты, сволочь, поднимешь шум сейчас или полезешь в это после – тебя убьют. Если Елену не отдадут за него, он возьмет дом купца приступом и утащит ее невесту куда. А охрану, собак и особенно одну мерзкую приживалку – вырежут. Они к этому все привычные, руки постоянно по локоть в крови.

Бабка сникла, поняв в какую кашу может влезть. Велел своим орлам: на всякий случай держите пока. От этих женщин никогда не знаешь, чего ожидать. Их поступки логике не поддаются. Эмоции и чувства перешкаливают. И это там, в нашем времени, где они живут, работа. А здесь, думаю, это еще сильнее выражено. Сам отвязал тряпку с головы, велел: выплюнь платок изо рта. Ну все – улики против скоморохов нет. А главное, как пишут в милицевских протоколах, – следов побоев не обнаружено.

Парни было взялись переговариваться. Они еще не знают, что даже подчиненные сотрудники навек запомнят сказанное тобой неосторожное слово. На работе, даже если от этого зависит человеческая жизнь, могут забыть все, что угодно. Но сказанное тобой о себе, всегда может быть использовано. А что мои тут лишнего сейчас сболтнут, не угадаешь. Негромко, но очень внятно сообщил:

– Кто еще без команды раскроет рот, выгоню навсегда! Никакие объяснения, извинения, уговоры не помогут.

Заткнулись. В блаженной тишине внимательно следил за влюбленными. Вот они закончили, и взявшись за руки, медленно пошли.

– Старуху отпустить!

Проплыли мимо нас. Елена тихо и задумчиво позвала.

– Ефросинья... домой...

Мы приотстали и пошли следом. Девушка с жаром живописала:

– Буду бороться! Закричу, докажу!

Матюшка от сладких речей любимой тихо млел.

– Только все это без толку, – вмешался я, до этого времени игравший лицо без речей.

Лена остановилась, развернулась и также эмоционально спросила:

– Почему это?!

– Только обозлишь. У девочек свои, более верные и безотказные способы добиться своего. Сидеть и лежать печально при матери. Отцу плакать, особенно когда он ест или выпил немного вина. На мужчин это действует очень сильно. Ближайшие дни ничего не рассказывать. Надеюсь, старушка промолчит?

– Да, да, – подтвердили в два голоса. Старая карга уже тоже старалась дуть в нужную сторону. Жить-то невероятно было охота!

– Если все делать только так, результат будет виден очень быстро. Как бы они не донимали, ближайшие дни – перетерпеть. Родители, думаю, перепробуют все: уговоры, подарки, гулянья, сватовство. Матушка будет пытаться вывести через твоих подруг, в чем дело, поэтому, даже если дружите с детства – молчок. Она найдет к ним ключик. Поэтому с подружками беседовать только о самоубийствах. Дать понять, что никакие другие темы тебя не интересуют. А вот про это горячо будешь обсуждать.

– А про что тут говорить? – вклинился Матвей.

Да, ему это абсолютно чуждо. Обвел взглядом музыкантов. Не дай бог, еще эти начнут умничать. Народ безмолствовал.

– О том, чем можно отравиться и где это берут. Простит ли бог, велик ли грех. Чем плохо быть похороненной не на кладбище и без попа. Вот ушкуйники же гибнут невесть где. Побольше стараться собрать об них сведений. Как живут, не сильно ли пьют горькую, не гуляют ли от жен, ну и чего еще самой придет в голову. Будут говорить о купцах, особенно отец, не спорь, гляди в сторону. А в конце – скажи: ушкуйники тоже торгуют. В конце концов мать сделает правильный вывод. Подойдет и спросит: кто этот ушкуйник? И расскажешь все что хочешь.

– А отец?

– Она его махом переубедит.

– Откуда ты все это знаешь?

– Мне уже далеко за пятьдесят, девочка. Вам с Матвеем в два раза меньше.

– Но он тоже умный!

– Умнейший. А кое в чем гораздо опытней меня. Мы с ним оба кем-то командуем. У меня пять человек, а у него – тридцать. Напади сейчас разбойники, меня сразу убьют. А он поражений не знает, всех побьет. Это я не сам придумываю. Его друзья, у них свои ушкуи, вместе плавают. Говорят, что очень храбр, просто безудержно. Прозвище – Смелый.

Она уже глядела на него безотрывно.

– А мне показался таким робким...

– Это только с сильно любимой. А так он ради тебя горы свернет, из горящей избы вынесет, всегда для семьи заработает. Пить горькую не любит. Может принять рюмку из уважения, а чаще отказывается. А главное – жизнь за тебя отдаст не раздумывая.

Елена раздумянулась, глазенки горят. Женщины любят ушами. Народ не ошибается.

– Вам с Ефросиньей, наверное, уже пора?

– А... да, мы, наверное, пойдем...

Скоро подошли к калитке, девушка шепнула Матвеем на прощанье.

– Завтра буду ждать в церкви.

Они зашли внутрь. А мы погнали ближе к кабаку. Там я раздал каждому музыканту по рублю. Договорились о завтрашней встрече и, страшно довольные заработком, сияющие, как после получения Нобелевской премии, музыканты разбежались. Неужели! То не было даже на еду, а тут каждый день деньги и не малые. Не было ни гроша, да вдруг алтын...

– Пошли поедим, плачу, – позвал меня ушкуйник-счастливцев.

Вошли, присели. Подбежал обрадованный Олег.

– Милости просим, гости дорогие! Сегодня, видно, спокойный день у ушкуйников.

– Почему?

– А вы без сабельки.

Посмеялись, сделали заказ. Половой погнал на кухню. Поговорили. Оказалось, что ушкуйник не мог утром есть из-за волнения – вдруг замечательнейшая девушка Новгорода не обратит на нас внимания.

– До последнего не верил! А ты молодец: все и спел, и сказал, как было нужно. Без тебя, будь я один, ничего бы не получилось!

Это тебе не половцев резать, – гордо подумалось великолепному скромняге – мне.

– Ну ты же ослаб, не дирижировал. Я даже усомнился, скажешь ли чего, когда стоять будете рядом. Гляжу – оживился, говоришь.

– Меня при ней оцепенение взяло. Про то, что руками надо махать, совсем забыл. Но ты все правильно доложил – кто я, как зовут, что хочу жениться. И мы с ней все обсудили. Замуж она за меня пойдет, родителей уговорит. Узнал, что Елена, когда мы ходили к половцам, переживала – вдруг бросил. И, спасибо тебе за то, как ты мои качества расписал. Мне бы она, может, и не поверила.

– А знаешь, что главное в моих восхвалениях?

– Что?

– А то, что теперь, если родители сильно будут упорствовать, ее силой утаскивать не надо. Куда скажешь, туда и пойдет.

– Не очень-то верится.

– Ну дай бог, обойдется без этого.

Акимович уже натащил всего. Водки брать не стали, оба не любители, пиво не уважаем. Матвей высказал свою точку зрения: это для немцев. Я с раннего утра есть не особенно люблю, у квартирной хозяйки перед уходом хватанул всего лишь вареное яичко с каким-то взваром. Поэтому на местных гусей-лебедей накинудись как стая оголодавших волков. В основном наевшись, стали разговаривать.

– Да, выручил ты меня. А то сидел, горевал, не знал с чего начать, вроде уже все пере-пробовал – плохо дело. И тут ты – и с такой мыслью! Я бы и за десять лет такого не выдумал. Не дано. Друзья ничего путевого посоветовать не могли – одна у них идея – хватай и увози!

Я сидел и думал: как говорят французы – тысяча голов лягушек не заменят одну голову лосося. Ума у меня не вот, что палата, но всегда был склонен к нетрадиционным решениям.

– Если все получится, после свадьбы – проси, чего хочешь. Все отдам, что могу, все сделаю.

– Деньги ты мне уже заплатил, больше не спрошу. А вот помочь, когда решишь, что пора пришла, помоги.

– Если в моих силах...

– Я вот о чем: ты как биться можешь?

– Прибить кого надо? Покалечить или убить?

Моральных проблем на привычном занятии не возникло никаких.

– Нет такой заботы пока. Проблема в том, что меня самого вчера думали избить, а по дороге пытались убить.

– И как же ты вывернулся? Боец хороший?

– Воин из меня никакой. Наставника сроду не было.

– А как же все обошлось?

– Вчера ушкуйники подошли, хотели тебя развеять. Попутно отогнали двух наглецов. В дороге поймали посланные нас убить. Я двоих приложил из самострела.

– Попал?

– Это можно и без обучения, лишь бы подошли поближе. А вот дальше десяти шагов уже надо тренироваться.

Матвей заинтересовался.

– Покажешь мне, как время будет? А то в лавках вижу, а пользоваться – не пришлось. Наши говорят, что этим только разбойники орудуют.

– Есть свои плюсы и свои минусы.

– Расскажи про минусы.

– Заряжается долго, стоит дорого, стрела из лука летит дальше.

В свою пору я заинтересовался этим вопросом, читая книгу про очередного ловкого попаданца, и просмотрел в интернете несколько подборок по этому поводу. Многое узнал: арбалет упомянут еще в Библии (сам в ней такого не видел), узнал длину болта и количество шагов, на которые он улетает, и много всего интересного в сегодняшней моей жизни. У ушкуйника угас интерес в глазах.

– Зачем же он, этот самострел, нужен?

– Расскажу про плюсы. Первый: пробивает любую кольчугу, особенно, если ближе тридцати шагов.

Исчезнувший было интерес вспыхнул с новой силой.

– Неужели люблю?

Прямо хотелось бросить: нехороший буду, зуб даю! Но шуточки в тюремном стиле привьются еще не скоро.

– Те, двое убитых, оба в хороших кольчугах были. Фрол их потом продал.

– А почему не ты?

– Он купец, а я певец.

Хотелось добавить для полноты рифмы: а им... В общем, настигла их нехорошая кончина. М-да, видимо, выход вчерашнего алкоголя. Вспомнилось, как в брежневскую пору, читал где-то в прессе (И – боже вас сохрани – не читайте перед обедом советских газет, – как написал в «Собачем сердце» великий Михаил Афанасьевич Булгаков) о том, как бороться с попытками на массовой гулянке налить вам водки. Нужно встать, привлечь к себе внимание и, уняв, общий гвалт, громко объявить: абстинент! Видимо, имелось в виду, что термин общепринят, и абсолютно известен окружающим. А варианты, когда народ будет у тебя выяснять, что это за никому не ведомая лабуда и зачем ты это ляпнул, а потом весь вечер уламывать выпить рюмочку, не рассматриваются.

А наш народ, удивляющий весь мир своими особенностями (уж не немцы какие-нибудь!), всегда поражал и меня, ярко выраженного русака, у которого четыре поколения русских предков абсолютно известны, тем, что наливает спиртное человеку, жестко отказывающемуся, неважно по каким причинам и настаивают, чтобы он это пил. До этого обсудив, что имярек склонен к запоям, не раз лечился, сейчас не пьет и как рады мать, жена и дети – сегодня его же и убеждают: ну что тебе будет с рюмки-то! А он, вместо того, чтобы встать и убежать от этих страшных врагов, сидит, вяло отказывается и, чаще всего, пьет. И понеслось! А уйти было неудобно...

В собственной блевотине лежать – удобно! Лишиться жены, детей, работы – наплевать! Терпеть это долго будет только мать. Умрет, правда, пораньше с горя – ну против этой рюмочки, все это – фигня и мелочь!

– Еще, – продолжил я, – ловко стрелять из-за укрытия.

– Мне это ни к чему, – заупрямился молодой смельчак.

– Конечно, в уютной харчевне – незачем. А вот, положим, ты на ушкуе, а по берегу скачут степняки, все очень хорошие стрелки из лука.

– Мы не хуже!

– Конечно. Обычно вас сколько? Самое меньшее.

Он задумался.

– Ну, положим, сто сорок.

– А тех гораздо больше. Столько, что на берегу драться не будешь.

- Да я...
- Ты можешь и один кинуться. А у всех жены, дети, кое у кого очень любимые невесты. А у тебя – ни папы, ни мамы, ни деток.
- Родители живы!
- А невеста поплачет с полгодика и замуж выйдет.
- Она не такая!
- Значит, прорыдает год или два.
- Ну, один-то я на такую толпу и не полезу.
- А что будешь делать?
- Бросим весла, ляжем на дно.
- А враги уже нашли лодки, набились в них и поплыли вас резать.
- А мы встанем, схватим луки, прицелимся...
- И будете утыканы стрелами, как ежик иголками.
- А щит...
- Будет мешать стрелять из лука.
- Матвей еще подумал и понурился. Что ж ты молодец не весел, буйну голову повесил?
- А хорошо было бы сделать вот что: лежать за бортами ушкуя. Внезапно высунуться из-за досок, и, молниеносно прицелившись, стрельнуть в чужих.
- Поиграть в ежа?
- Лучник за это время прицелиться не успевает. А тебе, с заряженным самострелом, много времени на это не надо. И что хочу отметить: в других землях обычно на десять ратников один с арбалетом. И вот прикинь, как на разных кораблях, в разных их местах, резко поднимаются люди, в разное время, четырнадцать человек, с неведомым для степняков оружием, очень быстро стреляют и исчезают за бортом.
- Матвей уже был охвачен идеей.
- Это ведь и лодки им можно пробить!
- А они деревянные?
- Откуда у степняков что добротное, кроме луков. Сабли, и те у русских стараются купить. Или, кто побогаче, берут из дамасской стали. В неведомом Дамаске делают. Слышал про такой?
- Я там жил как-то.
- На самом деле только читал о нем. Ушкуйник разинул рот от удивления.
- Это что, страна такая?
- Крупный город.
- А где?
- Далеко на юге. Жарко там очень и сухо.
- А что за народ?
- Арабы.
- Нехристи?
- Мусульмане. Но и христиан немало.
- Католики?
- Они там православие раньше нас приняли.
- Как это?
- А так. Они прежде принадлежали Византии, Константинополю.
- Не знаю.
- Знаешь. Только называешь по-другому. У нас его зовут Царьградом.
- Да вся наша вера пошла оттуда! А у католиков Рим какой-то.
- Я не стал вступать в теологические беседы, и мы продолжили.
- А тебя как туда занесло?

– Угнали в рабство.

– Кто?

– Я их языка не знаю. Потом арабам продали.

– Ты там долго прожил?

– Год.

– А как толковал с ними?

– Там был раб, украли еще пареньком из Киева. А сейчас он уже живет в Дамаске лет десять, язык выучил хорошо, переводил мне.

– А что ты там делал?

– Считал, я в этом силен.

– Кого считал?

– Числа. Меня монах в Ипатьевском монастыре учил.

– Ты из церковников?

– Да нет, просто ходил к ним. Пилил, колол дрова – в общем, делал все, что мог. А монахи объясняли, как читать, писать и считать, срисовывать с картинок (по юности любил рисовать. Самое странное, что только левой рукой. Все остальное уверенно делал правой.).

– Считать я тоже умею.

– Давай сравним.

– Давай.

Велели Олегу нести гусиные перья, чернила и бересту. Начали битву средних веков против двадцатого, в котором я учился. Начал Матвей.

– Двенадцать плюс семнадцать.

Ответ сказали практически одновременно и одинаково. Продолжил я.

– Пять плюс пять девять раз.

Смельчак схватился за перо. Этак мы считать будем до вечера... Акимович наблюдал и за нашими подсчетами, и за залом – вдруг кто позовет. Я тут же сказал ответ.

– Ты знал, – возмутился Матюха.

Негодование горело на его честном лице.

– Спроси сам.

– А вот, семь плюс пять и так пять раз?

Глаза горят, сам весел. Как же, поймал обманщика и посрамил. Триумф налицо! Ушкуйника на драной козе не объедешь. Одно слово – молодец! Всякие ипатьевцы верх не возьмут. Но веселился он очень недолго – секунды три. Удар был сокрушителен: шестьдесят. Не поверил. Схватил перо, обмакнул в чернила и бойко начал пачкать бересту. Приятно видеть этакое рвение в молодом человеке, как написал бы великий драматург Александр Николаевич Островский. Однако пара минут у парня на это ушла. Теперь он выглядел несколько обескураженным, а половой удивленным, – видимо, тоже считал.

– Может быть, это случайность?

Я, вспомнив, анекдот с бородой, ответил.

– Второй раз – это будет совпадение, а третий – привычка.

Поняли не сразу. А когда дошло, Олег ржал так, что многие жеребцы позавидовали бы. И все лошади бы присели, как от голоса Ричарда Львиное Сердце. Конец веселью пытался положить обозленный Матвей. Он велел половому стоять подальше. Но не тут-то было. Того стали звать к разным столикам, видимо желая узнать мою простенькую шутку, а заодно заказывая вино и закуску. Эта возня длилась еще минут пятнадцать. Потом, мне все это надоело, я начал зевать, и бросив детские игры, мы продолжили беседу.

– А как же ты выбрался из Дамаска?

– Убежал. А у тебя сабля из дамасской стали?

– Да.

- Дорого отдал?
- Половец хотел очень дорого, мою жизнь. Но взять не успел, срубил я его.
- Так из чего лодки у степняков?
- Делают деревянные поперечины и обтягивают шкурами коней и сайгаков.
- Пробить такую болтом нехитро.
- Да, надо поглядеть, может и верно толковая вещь.

– Рыцарские латы ей не прошибить, это конечно, минус. Но возле каждого в таких доспехах идут подчиненные ему ратники. Вот тех-то можно и достать. А ты мне скажи, как опытный воин, почему сабли приходят на смену мечам? Вроде как мечом невозможно колющий удар нанести?

– Это все вранье тех людей, которые кроме ножичка для хлеба ничего и никогда в руках не держали, никого не кололи и не резали, а любят выставить себя опытными бойцами. Меч, он тяжелее сабли. Центр тяжести ближе к рукояти, рассчитан для двух рук. Сабля полегче, тяжесть ближе к острию. Она хороша против степных. Пока замахиваешься мечом, кочевник увернется, тебя еще достанет. Вот на рыцарей – там меч нужен, латы саблей не разрубишь. И колоть им ловчей в стыки сплошного железа. Мы с половцами и прочими кочевыми народами бьемся чаще, чем с немцами и шведами. Поэтому все при саблях. Так чем тебе помочь-то?

Ну вот и славненько, вернулись к нашим баранам, точнее к моим.

– Понимаешь, в чем дело... Опасаюсь прихода врагов из Костромы.

– Ты же убил уже двоих!

– Боюсь их главаря это не остановит. Разбойник и душегуб. А арбалет с собой таскать не будешь, да и если случайно убьешь одного, другой тебя зарежет. Поэтому хочу тебя попросить – обучить всему, что умеешь.

В голове вертелась очередная глупая шуточка: особенно замечательному счету на бере-сте! Ну и уже на улице, отряхивая зад после пинка, заявить голосом экспериментатора: это получилось хорошо...

Матвей сказал:

– Это нетрудно. Можем хоть сегодня начать.

Ну уж дудки! Нынче никакой тренировки не получится: он будет петь дифирамбы Елене до ночи, постоянно отвлекаясь. И уйти уже будет неудобно, обидится. Поэтому пусть бежит к своим друзьям и изливается им.

– Сегодня никак не получится – тебе нужно добыть деревянные мечи и хорошо бы плохонькую кольчугу.

– На тебе же есть уже. В запас, что ли?

– Нет, это чтобы показать действие самострела. И мне нужно за арбалетом зайти. А перед этим братья за переезд к бабушке Аграфене, у которой снял комнату вчера. Еще нужно дожидаться земляка, с которым вместе решили на новом месте пожить.

– Поискать его нельзя?

– Где он бежит по нашим делам, неизвестно.

– Да, это может затянуться... И у кого из наших лежат деревяшки, знаю. А вот кольчугу нужно будет где-то поискать... – тут новгородский орел задумался не на шутку.

Я прервал его размышления.

– Лучше скажи: ты что делаешь завтра?

– С утра иду в церковь, еще кое-куда надо сбегать, накопились последнее время дела.

Да, последнее время, он явно был не делец.

– Ну давай после обеда здесь встретимся.

– Давай.

Мы пожали друг другу руки.

– Слушай, – припомнил ушкуйник, – а вот песню, что ты пел вчера первой, можешь сейчас исполнить? Как-то тронула меня. Я заплачу.

– Денег с тебя не возьму. Написана на английском.

– Ты и там жил?

– Нет, слышал как-то давно, еще подростком.

Взял в руки домру и запел опять по-русски, а потом на языке оригинала. Корчма стихла. Олег втихую опять стал держаться поближе. Кажется, пробрало всех песней из очень далекого будущего.

Двое чисто выбритых подошли, поздоровались, попросили записать им песню. Иностран- ный акцент резал ухо. Выяснилось – английские купцы, пришли за медом, ворванью и пуш- ниной. Предупредил сразу: даром ничего делать не буду. Они тут же спросили у неласкового аборигена – сколько возьмешь? Решив не баловать иноземцев, зарядил три рубля. Британцев недолюбливаю за Крымскую войну, главный итог которой – уцелевший Лев Толстой, наш наци- ональный духовный символ. Тертые жизнью иностранцы пытались жаловаться на бедность и торговаться, но были решительно пресечены.

Я подозвал Кузьмича и спросил расчет, показывая непреклонную русскую решительность и полное отсутствие национальной доверчивости. Появшись, англичане вынули деньги.

– Записать могу только по-нашему. Вашего языка не знаю.

– Как же ты поешь?

– Запомнил с голоса английского певца, он приезжал к нам.

Подумалось – только это было так давно...

– Запишем сами.

Рванули у нас остатки бересты, видимо решив, что с паршивой овцы хоть шерсти клок, сели писать. Диктуя заметил, что один пишет английскими буквами, а другой непонятными кривульками. Решив проявить бдительность сталинской поры, начал допрос.

– А это что за буквы? Мы так не договаривались!

Чужеземцы, чувствуя нехорошее обострение отношений, пахнущее новыми финансо- выми вливаниями, быстренько объяснили, что так рисуют музыку. Международный конфликт был исчерпан. Оживившийся в преддверии доброй драки Смелый, опять начал обдумывать свои юношеские дела. Закончили и разбежались.

Глава 5

Я подался на постоянный двор. Фрол сидел с приятной женщиной, весело проводя время за бутылкой вина, закусывая лесными орешками и пряниками.

– А я уж думал куда компаньон делся, не случилось ли чего! Гляжу – нужный музыкальный инструмент купил? Садись, обмоем.

Не стал жеманиться, присел, промочил горло славным винишком. Купец представил подругу: Екатерина. Она ласково улыбнулась.

– Можно Катюша.

Обрадовавшись интересному совпадению, негромко запел песню с таким же именем сталинской поры. Женщина ойкнула, прижала ладошки к загоревшимся щекам. Кузьмич, разливая остатки винца, загомонил.

– Вот спасибо, уважил! Я с ее мужем лет пять на базаре рядом стоял, подружились. Дома у них бывал, иногда обедал. А в прошлом году он пошел за товаром в Устюг и не вернулся вместе с судном. Вышел сегодня на торг, с Гостомыслом пообщаться, а вместо него – Катя стоит. Торговлишку бросили, пошли без гомона посидеть, а тут и ты подошел. Рассказал ей о своих печальных делах, Катюша о муже. Так и сидим. У нее от Гостомысла остались дом, лавка, двенадцатилетняя дочка Берислава. А с товаром туго, приходится тут брать, прибыль невелика.

– А ты нам место на рынке купил?

– Пока денег только на ходку и хватит. Ладья и что продать, все есть.

Я мгновенно припомнил ловкость купчины к работе за прилавком и предложил.

– А давай первый товар Екатерине подвезешь?

Женщина с надеждой глядела на него, видимо, не хуже меня понимая, что этого твердо-лоба подбить на что-то новое – нелегко. Фрол задумался, потом выдавил:

– Это, тут думать надо... Пока вина бы взять...

Мы с Катей как-то враз поняли, что он пока бродит, ничего путного не выдумает, а вот дрянь какую-нибудь – пожалуйста. Я убежал, а она осталась его обрабатывать. Спустился в харчевню, взял еды, выпить и вернулся. Не торопился, понимая, что купец при мне будет усиленно ерепениться. Погуляв, пришел. Фрол уже глядел орлом. На меня не глядя, зарычал:

– Я уже все решил! Привезу – сваю все Катеньке и снова уйду за товаром. Денег она за это время спроворит.

Мне подумалось: ай да баба, ай да молодец! Рассказал про свои похождения. Историю в церкви пока утаил. А то дойдет до родителей Елены раньше времени, опять будут ненужные трудности. Рассказал про домик Аграфены.

– Вот и молодец, а я уж было завтра хотел бегать. Сегодня же и перетащимся.

Сидели, беседовали. Потом решили, что пора идти. Фрол тепло простился с купчихой, и мы пошли.

Прибыли на постой. Торгаш остался на улице с хозяйкой, обсуждать условия аренды. Я понес вещи в дом. Немножко повалявшись, тоже пошел на улицу. Оглядевши окрестности, взялся колоть чурбачки. Оказывается, бревна купил Егор на все заработанные деньги. Теперь до зимы для печки хватит. Мы с Фролом переглянулись: заработаем, обеспечим. Кузьмич добавил:

– Нужно прикупить крупы всякой несколько мешков, соли в запас. Вдруг осада вражеская, наголодаешься. Хоть и близко соль, а обложит враг, взвоешь.

Егорка заныл.

– Это расходы большие, пока заработаю...

Рыжебородый его метания пресек, объяснив, что втроем тут теперь квартируем. Потом пошли глядеть погреб. Он оказался довольно-таки большим и сухим. Хозяйка объяснила, что набить льдом было в эту зиму некому: хозяин поболел и умер, жила одна, впроголодь. Фрол огляделся, при свете последней свечки в доме, и мы полезли наверх на переговоры со старушкой. Выяснилось, что в дом кое-что нужно: свечи, горшки, побившиеся без хозяина, иголки и нитки. Других денег она с нас брать и не планировала, только на еду. Кузьмич этот альтруизм, бессеребренье пресек в корне и решил выдавать по полтиннику в месяц. Как она не отказывалась, вопрос был решен. После наказали нас утром будить только при пожаре, и разошлись по комнатам.

На следующий день мы с ушкуйником встретились у корчмы. Оба были сытые, поэтому пошли сразу за город, где можно было тренироваться спокойно. Я нес арбалет, Матвей две хорошо обструганные деревяшки и пробитую в двух местах кольчугу, на поясе обычная его сабля. По дороге он рассказывал про то, как с утра прыгал возле церкви. Елена не заставила себя долго ждать. Увидев его, прибавила шагу и налетела как ураган. Сразу обхватила двумя руками, стиснула. Затем отвела за церковь. Старуху отослала на службу. Ее невнятные и негромкие речи пресекла жестким: Бог простит! Бабка, до выхода народа, больше не мешалась. А они стояли, говорили и миловались. Видимо, обнимались и целовались. Она говорила, как вдруг вчера сильно полюбила, он пел похожие песни. Рассказала, что вчера горевать, даже для вида, не могла. Летала как на крыльях. Радость и счастье переполняли ее, душа пела. Такого веселья у девушки не было никогда.

– А нищие?

– Они туда и не заходят.

Потом Матвей проводил любимую до дому. Елена рассказывала про свою ранее не интересную жизнь, о глуповатых подругах, трогала саблю. Бабушенция молча плелась сзади. В общем, встреча пролетела незаметно.

– И, видимо, ты был прав. Теперь ее силой тащить не надо, пойдет куда надо со мной.

О главном плюсе, я даже и не взялся с ним рассуждать, молод еще. Девушка идет замуж не потому, что подруги выходят, а она отстает, не из-за любопытства: а что, а как... Хочет замуж по сильной любви. Усиливает эффект необходимость таиться, обманывать родителей. Поговорить обо всем можно только с ним, с желанным. У девицы с бедным жизненным опытом это обостряет чувство многократно.

– А что твои друзья ушкуйники?

– Радуются, что отошел от уныния. Скоро в поход идти, сидим из-за того, что у Авдея в ушкуе нелады. И вдруг я – из-за какой-то там купеческой дочки так сник! Хотели уж тащить меня к ведунам. Но тут вдруг господь послал певца.

Теперь и я заинтересовался.

– А что за люди ведуны?

– Они видят болезнь и лечат, не прикасаясь к больному.

– А как это?

– Как это у них обычно делается. Посмотрят, поведут руками – и готово.

– Вроде целителя?

– Нет. Тот все выпросит, тебя где надо пощупает, каких-нибудь травок или воды целебной даст. Глядишь и полегчает. А ведун и не прикаснется, а полегчает обязательно. Чаще всего, вылечит. Но их очень мало и берут дорого. Вот народ и бежит – то в церковь, то к знахаркам, то к целителям.

Я задумался. Еще в «Скорой помощи» заметил в себе необычные способности: иногда угадывал будущее, практически всегда знал диагноз без всяких исследований и обследований, как-то странно действовал на людей. Всем делалось легче. Многие даже просили, требовали: не уходите, мне при вас легче! Объяснял это своей замечательной выучкой, врожденным умом

и обаянием. Но и само лечение иногда проходило как-то странновато. Откуда-то знаешь, что именно этого больного лечить так, как предписывает официальная медицина вредно, иногда даже убийственно. Никогда не брался доказывать, что я прав. Все это было как-то ненаучно, необъяснимо. Что-то доказывать – только нарвешься на какие-нибудь санкции от руководства, не улучшающие твою и без того нелегкую жизнь. Приедет, бывало, бригада после меня, полечит как положено, а больной почему-то умирает. Да, надо как-то после этим заняться. Очнулся, оказывается уже пришли.

– Показывай арбалет.

– Сразу на кольчуге?

– Просто так я у болгар видел.

– Это где?

– В обычных местах, на Волге.

– И давно они здесь?

– Всю жизнь. Мы их немного пограбили, потом они откупились. А перед этим постреляли кто из чего – болгары из арбалетов, мы из луков. Сразу стрельнем или еще чего надо?

– Хорошо бы какой-нибудь чурбачок.

– А вон стоит – мы в него пускаем стрелы из луков.

– Пойдет. Смотри как самострел заряжается.

Матвей посмотрел, зарядил сам – действительно несложно.

– Можно, я еще и кольчугу сам пробую?

– Конечно. Только ее желательно сразу на деревяшку одеть, а то как болт двойную пробьет, не знаю.

– А расстояние какое лучше взять?

– Лишь бы попал.

Ратник еще отошел, я натянул железную защиту на дерево. Он прицелился – не промахнулся. Подошли. Смелый попытался вытащить болт, не получилось. Теперь его вырубать надо, и это с тридцати-то шагов!

– Если думаешь им биться, лучше посоветоваться с кем-то поопытнее меня.

– Найдем человечка, видел таких среди княжеских дружинников. Ты смотри нынче без кольчуги?

– А зачем она здесь?

– Привыкать в ней биться. А носить тебе ее надо, пока главный враг твой жив. Одевай пока эту.

Я взялся возиться, а он изрядно отошел и всадил очередную стрелу в чурбак.

Ну ладно, теперь начнем мое обучение. Мы взяли палки. Боец показал удар саблей по шее. Я еле-еле увернулся. Он одобрил:

– Реакция у тебя хорошая. А теперь по-настоящему.

Деревяшка молнией взметнулась и легонько хлопнула меня по шее. Я упал духом. Такие скорости мне недоступны. Матвей перекинул палку в левую руку. Исход тот – же.

– Ты не расстраивайся, все так начинали. Правда, таких бойцов, как мы, ушкуйники, на Руси немного. В других землях вообще не встречал. Смотри, как мы обычно бьемся.

Он подошел к одиноко стоящему дереву и начал показывать. Каскад ударов, поворотов, приемов. Плюс работает свободная рука, обе ноги. Повороты, приседания, удары назад, вбок, уклонения. Да, такое и в кино не в каждом увидишь. Я вспомнил про редкое умение и спросил:

– А двумя мечами сумеешь?

– Меня учили. Дай пока твою палочку.

И понеслось. Прямо танец с саблями какой-то. Вот такого не видал никогда и нигде! Ниндзя и ассасин в одном флаконе. Матвей после спецпоказа был также бодр и свеж. Ни покрасне-

ния лица, ни малейшей одышки. Наверняка нормальное артериальное давление и замечательный пульс – уровень мастера спорта международного класса, причем в десятиборье.

– А ты плавать умеешь?

Современные мне авторы в 21 веке на основании авторитетных источников доказывали, что русские в средние века боялись водяных, русалок еще там кого-то, и купаться в водоемах наотрез отказывались. Вот есть баня, в ней и сиди. Ушкуйник даже удивился моему странному вопросу.

– Я, как и все, плаваю с детства. А у вас, в Костроме, это что иначе?

– Да также, также..., и подводная всякая нечисть не пугает?

– Детские сказки.

Спрашивать про рукопашный бой, я счел неуместным.

– Ладно. Держи палку, продолжим. Теперь бей меня. Да не так, а очень быстро, резко и в полную силу.

Мой удар он пропустил, нагнувшись, и легко стукнул меня сзади. Вот на отработку этого приема: как уклониться, как ударить сзади саблей, мы и потратили следующий час. К концу этих забав, Матвей был свеж как огурчик. Я дышал часто-часто, потрогал щеки – горят. Добрел до чурбачка, упал.

Добрый молодец объяснил, что ежедневная общефизическая подготовка мне необходима. Договорились встретиться завтра, Он убежал. Посидев после этого и отдышавшись, взял арбалет и побрел к дому.

Фрол где-то рыскал. Мы с Егором поели, взяли музыкальные инструменты и пошли на торг. Там встретили наших. Зашли, попели, сорвали денег. Отчалили отдохнуть. Я поинтересовался, умеет ли кто писать стихи. Тут же выставили поэта-песенника. Прыщавый паренек прочитал несколько виршей. Не Пушкин, но в целом неплохо.

– Мастер, а что песни уже закончились?

– Музыку я напишу, а те люди, что делали тексты, сейчас далеко.

– А на заказ напишешь?

– Не пробовал, но, если будет время, – можно попытаться.

Не буду же я объяснять коллективу, что не пою многие прекрасные песни из-за наличия в них слов трактор, колхоз, телефон, велосипед, танк и так далее, которые еще не появились. А менять их я не ловок. Пошли выдавать песни дальше. Периодически переходили с места на место.

К концу рыночного дня подошел мелкий и юркий купчик, назвался Дорофеем, и предложил спеть на его именинах. За работу предложил хорошо покушать со слугами. Да, это немножко запоздало. Ответ был решительным и непреклонным.

– Вот сам с ними и поешь.

– Я еще с собой дам!

– Нищих на паперти хватает, им и дашь.

– Можно и денег, – разошелся жадюга.

Наконец-то настоящий разговор.

– Сколько?

– По полушке каждому.

Не тратя больше времени на пустой треп, отвернулись и заиграли. Он ушел. Допев, поделили заработанное и засобирались по домам. Вдруг откуда ни возьмись... появился Дорофей. Предложил полтину.

– А сколько песен хочешь?

– Пока я не отпущу!

– Зато мы тебя, с твоей скаредностью, уже отпускаем.

– Сколько хотите спеть?

От скупости аж бороденка трясется.

– Пять песен. И стоить это будет рубль.

– Очень дорого! И этого пения очень мало!

– За полтинник повтор прежней или исполнение новой. Хочешь плати сам, желают гости – их деньги.

Он задумался. Перевалить на кого-то расходы – эта мысль его грела. По ходу поедим, с кем, неважно. Одобрив эту идею, Дорофей выдал полтину задатка. Для этого опять пришлось надавить, что мы тебя не знаем, вдруг передумаешь...

Глава 6

Мы с Егоркой двинулись ужинать. В дороге я поднял интересующую тему: где найти ведуна.

– Есть недалеко, могу показать.

Дошли быстро. Обычный небольшой домик. Собак нет или спрятаны. Калитка не заперта, дверь в дом открыта настежь.

– Ты, мастер, иди. Я лучше тут погуляю. Перед этим только подумай – может лучше к целителям пойдешь. Дешевле, это точно.

– Ладно. Хочешь тут посиди, хочешь беги к бабуся.

Егорий умчался как ветер, а я пошел внутрь. Очередей тут не было. Да и людей было не видно. В доме было очень тихо. Не найдя хозяев, я подал голос: эй, кто-нибудь...

Вышел мужчина средних лет. Волосы светлые, перехвачены металлическим, похоже серебряным обручем. Телосложением крепок, повыше меня. Одет в светлые рубаху и штаны. Ремня сверху нет.

Поздоровались, и он начал свою деятельность. Поводил руками возле меня. Велел присесть. Я охотно выполнил команду, устал за день. Ведун опять что-то поделал, но уже как-то иначе. Спросил:

– Зачем пришел? Болезней у тебя нет.

Да, в мои тридцать лет, кроме гриппа и ОРЗ, заболевания меня и в прежней жизни не тревожили.

– Хотел поговорить.

– Время есть, говори.

Я рассказал про свои странности. Он немножко подумал.

– А как к тебе относятся кошки и собаки?

– Собаки как ко всем, а вот с кошками тоже что-то непонятное...

– Давай поподробнее.

– Коты постоянно жмутся и пытаются приласкаться, а кошки сразу прыгают на колени, мурчат и согнать их совершенно невозможно. Хозяева, которые их вырастили, поражаются. У нас он (она) к чужим вовсе не подходит, прячется. К нам-то идёт крайне неохотно, по настроению. Иной раз прячется целый день, выходит только поесть и на улицу. А к тебе, ну как к родному, самому любимому. А я к кошкам отношусь довольно-таки холодно. Вот собак люблю.

Ведун был сильно заинтересован.

– Это надо проверить.

Громко крикнул.

– Василиса!

Никаких кис-кисов. Позвал всего один раз. Слабо верилось в приход гордого зверька. Это не обожающая хозяина собака. Через минуту в комнату вплыла серенькая кошечка.

И тут она почуяла меня. Вальяжность исчезла как по мановению волшебной палочки. Кошка в мгновение ока оказалась у меня на коленях и стала издавать привычные утробные звуки. Она явно нашла место для получения счастья, и теперь его выражала. Нетрадиционный лекарь был поражен.

– Думал, ты преувеличиваешь... Даже у нас это – большая редкость.

Я, как обычно, восторга не почувствовал. Годами работал в «Скорой помощи» и навиделся всяческих зверей. Мурки были особенно многочисленны. Женщины их ужасно обожают. Вот им бы эту кошачью любовь. А мне она в жизни без надобности. Здесь ранее кошек и не видел.

– А как ты внушаешь людям?

– Что ты имеешь в виду?

После коротенького разъяснения стало ясно, что речь идет о гипнозе.

– Да пару раз пробовал, вроде получалось.

– Что еще можешь добавить?

И вспомнилось, что старославянский сильно отличался от разговорного 20 – 21 веков. А тут отлично понимаем с народом друг друга. Как-то думал об этом на досуге, вспоминая незабвенное «Слово о полку Игореве», которое читать было невозможно. Сбивчиво рассказал об этом, опасаясь разоблачения своего попаданства. Но – обошлось.

– Вещие сны видишь?

– Крайне редко.

– А будущее можешь предсказать?

– В детстве и ранней юности получалось, сейчас уже нет.

– Ты лечишь людей?

– Раньше – да, теперь подался в скоморохи.

– Интересно, интересно... Мне надо обсудить с остальными. Ты-то сейчас чего хочешь?

– Может быть обучите чему-то полезному? Петь уже надоело. Вдобавок дело ненадежное: простыл или сорвал голос и привет, что хочешь – то и делай.

– Подумаем. Приходи завтра после полудня.

Обнадеженный, пошел на квартиру. Застал там Аграфену и Егора. Старушка захлопотала и через пять минут уже кормила. Отнюдь не как в русской народной сказке про кашу из топора: мне бы поесть! Там на гвоздик повесь... С удовольствием поел, попутно выяснив, что полдень в этом веке – это после 16 – 17 часов. Да, у нас это пораньше.

Поговорил с ней о прежней жизни. Дети умерли от какой-то эпидемии лет десять назад. Взрослых эта болезнь не затронула. Сами переехали в Новгород из Ярославля, вся родня осталась там. Так что теперь, после смерти мужа, источников дохода, кроме сдачи комнат внаем, нет и не предвидится. Слава богу, появился заботливый и работающий Егорушка. Нашел постояльцев, завез дрова, накормил и прочие дифирамбы. Наступил вечер. Пришел Фрол. Стал рассказывать. У него все готово, завтра отплывает. Был в гостях у Катюши. Там и отужинал. Очень хвалил еду, обстановку в доме и прочее, прочее, прочее... Эти двое, бабушка и купец явно влюблены в тех, кого восхваляют. Вдобавок у старушки появился человек, который о ней заботится, а у купчины – женщина, при которой он не испытывает подчиненного положения. Все счастливы.

Только у меня никакой личной жизни. У других попаданцев это как-то иначе. Темнело. Мы разошлись по комнатам.

Следующий день шел по плану: сначала меня гонял Матвей, потом я пел на рынке. Встретили других скоморохов. Те выглядели иначе, чем мы. На них была очень яркая цветная одежда: длинные колпаки с бубенчиками, рубахи – каждая половина своего цвета, пояса из ниток, переплетенных между собой. Песни были абсолютно иные, чем у нас. Лица намазаны неведомыми мне красками. Этим скоморохам деньги совали охотнее, чем парням до меня. Были у них и соленые шутки, один показывал жонглирование. Да, на какой-нибудь праздник, конечно, охотнее позовут этих разноплановых профессионалов.

Мои музыканты, на них глядя, только вздыхали. Домра у них, кстати, тоже была. Звучала она, правда, похуже моей, но народ может и не отличал. Пели из семи человек трое, у одного голос гораздо сильнее моего, другой немножко фальшивил. Мужики разного возраста. Отошли, поговорил со своими молодцами. Узнал много нового. Скоморохи на одном месте обычно не сидели, постоянно двигались по разным городам, попутно работая в деревнях. В городах место постоянно меняли, особенно любили площади.

Спросил своих ухарей про их дополнительные таланты и умения. Один высунулся – я тоже петь могу, другой показывал один фокус. Это было все. Да, негусто, народными талантами не блещем.

Ткнул в голосистого.

– Давай пой.

Тот растерялся.

– А что петь-то? Назвал и напел ему одну из своих песен. Он спел. Конечно, не Лещенко и не Магомаев, но не фальшивит, голос не гадкий. В общем, певец типа меня. Приемлемо, сойдет подменить.

– А много ли песен успел выучить?

– Три, – ответил паренек.

– Споешь сегодня, по моей команде.

Фокусник обмишурился: попытался вынуть монетку у другого из-за уха, получилось очень дурно, все увидели, как он ее зажимал в руке. Но есть тяга к этому делу, уже хорошо. Я вспомнил один детский фокус, его могут делать все. Сказал своему Кио:

– Напомни мне после обеда, расскажу тебе кое-что.

Жонглеров, акробатов, мимов не оказалось. Спросил у своего рифмоплета, как у него дела. Тот вынул бересту. Прочел. Очень хорошо.

– Держи мне перед глазами.

Напел на одну иностранную мелодию. Получилось очень неплохо. Мои оживились.

– Мастер, как вы быстро это сумели!

– Да написал давно, а хороших слов не было.

Поэт сиял. Пошли петь по базару дальше. По моей команде молодой стал петь вместо меня. Получилось очень неплохо. На первой песне он еще смущался: с трудом начал, голос дрожал. Две оставшиеся исполнил уверенно.

После обеда рассказал доморощенному чародею фокус. Держишь в руках пакетик из бересты. Кладешь в него монету. Показываешь денежку в открытом пакете народу. Не торопясь смыкаешь. Потом открываешь. Монеты нет. Объяснил, как сделать. Парнишка не сразу понял.

– Мастер, мне бы увидеть...

Такие люди, со слабым абстрактным мышлением, тоже не редкость. После долгих объяснений с эмоциональным участием коллектива в виде криков и оскорблений фокусника, вроде понял.

Пошли играть и петь дальше. Когда все переделал, пошел на встречу с ведуном.

Кроме вчерашнего знакомого были еще двое, тоже с серебряными обручами и длинными волосами. Бороды у всех коротко подстрижены. Присели в большой комнате кружком и понеслось. Вопросов было море, очень часто неожиданных. Когда научился читать и писать, что и как умею лечить, почему хожу в кольчуге, чем болел раньше, как вижу, слышу, чую запахи.

Что знаю о Солнце, Земле и Луне, кометах, приливах и отливах и многое другое. Выяснили отношение к церкви, ее служащим, обрядам, молитвам. Спросили, что знаю о других религиях. Особенно удивил буддизм. Вникли подробно, особенно в переселение душ. Спросили, верю ли я в это.

– Насчет животных не знаю, а вот человеческая – в этом уверен.

– Сам видел?

– Люди, которым верю, знали таких, с знаниями из прежней жизни. Они узнавали прошлых родственников, показывали им спрятанные деньги в их домах, начинали говорить на неведомых в тех краях языках.

– Где это все вызнал?

– В Дамаске. Они еще говорят, что христиане раньше тоже в это верили. Но церковникам это было ни к чему, пресекли.

Собеседники покивали. Сами, видно, сталкивались с произволом священнослужителей. Я тоже задал вопрос об отношении к ним церкви. Ответ был коротким и ожидаемым: слуги дьявола. Подумалось: как и скоморохи.

Отдельно взялись за мою внушаемость. Рассказал, что со мной работали два профессионала, зарабатывающих этим деньги (меня пытались полечить от юношеского невроза) – безуспешно. Юноши и девушки рядом впадали в сон и выполняли все, что скажут. У меня даже руки не теплели. Один ведун встал, обошел кругом, осмотрел.

– Не против ли ты сейчас?

– Только за.

Попросил встать. Начал очень уверенно, видно самый опытный и сильный в этом деле. Мужчина не водил руками, не качал перед носом цепочку с кольцом и так далее, а просто глядел в глаза. Длилось это минуты три. За это время я, устав, отводил глаза дважды, немного поворачивал голову. Никакого воздействия на мозг не ощущал. Он отошел, сел на место.

– Реакции у Владимира нет.

– Так у тебя разве бывает?

– Скоморох пока первый.

У нас в 21 веке считается что пять процентов людей не поддаются гипнозу. Но в одном месте как-то мелькнуло, что есть гипнотизеры, для которых не внушаемых нет. Ну, я не эксперт. Ведуны переглянулись, сказали – берем. Один встал и скомандовал.

– Идем со мной.

По дороге рассказал, что его зовут Игорь, ведуном он уже девять лет. Раньше был гончаром. Ему сорок два года, живет с женой. Дочь уже выросла, замужем, внуков почему-то нет. Собак очень любит. Дошли быстро. Ведун постучал в калитку. Псина было подала голос, но услышав говор хозяина, стихла. Через некоторое время ласковый женский голос спросил:

– Кто там?

– Это я.

Калитка распахнулась. Симпатичная женщина повела нас к дому.

– Поужинаешь или работать будешь?

– Он, Люба, не лечиться. Поедим.

Собака была здоровенная, лезла в ноги. Хозяйка цыкнула:

– Потап! На место!

Тот сразу же убежал в будку. Обученный.

А то на вызовах неоднократно сталкивался с такими псами, которые лезли пообщаться. Хозяева на требование убрать собаку, отвирались всячески: она добрая, вас не укусит. Видя, что это не прокатывает, все-таки прятали. Хотя были случаи, что говорили: нас может и укусить, мы ее боимся. Тут я поворачивался и просто уходил, если собака была крупная. Тогда народ предпринимал что-то умное, чаще всего просто выманивал своего зверя в другую комнату. Сам я собак ужасно люблю и не боюсь, но раз на вызове увидел у женщины такую ужасную рану на предплечье, нанесенную собственным псом, что аж меня, выдавшего виды, на секунду повело.

Мы прошли в чистенький и ухоженный дом. Везде чувствовалась внимательная женская рука. Любовь пошла накрывать на стол. Мы пока ополоснули руки, умылись.

Сели ужинать. Ели уху, что-то мясное с кашей из чечевицы, посыпанной зеленью, пили воду. Готовили здесь вкуснее, чем у Аграфены. Ведун и его жена оказались общительными и веселыми. Муж фонтанировал шуточками, мы с Любой смеялись.

После еды мы с Игорем вышли на улицу, расположились на лавочке. Потап подбежал к нам. Был он серо-черного цвета, красивый. Хозяин стал с ним возиться.

– Потапыч, Потапка – говорил Игорь, глядя пса по голове.

Я спросил:

– Можно мне ему чего-нибудь дать?

– Тебе – да.

Протянул собаке, прихваченный с ужина, кусочек мяса. Красавец посмотрел на хозяина.

– Можно!

После разрешения, пес обнюхал меня и аккуратно взял с ладони угощение.

– Сытый?

– Нет, обученный.

Ты у меня учился будешь, я тебе верю. А чужой может и отравить. Он обучен и с земли ничего не брать. Мало ли что. А мы с ним гуляем каждый день. Выходим за город, там он и бегают. Раз ограбить меня там хотели трое. Одного Потап придержал, как он любит – за горло, двоих я побил.

– А что же они у тебя отнять хотели, кошель с деньгами? Вдобавок ты с крупной собакой был.

– Деньги я с собой ношу редко, все обычно Люба покупает. Но я в добром кафтане был, обруч серебряный с головы не снимаю. А собака не каждая хозяину защитница. Иная только лает. Вдобавок Потап в сторону отбежал, за кустами его не видно было. Это он услышал чужие голоса и подлетел.

– А кто его командам учил?

– Да кто, кроме меня. Выглядит он еще необычно – ушей и хвоста нет. Я его на рынке купил, говорили – волкодав.

Подумалось: вот оно начало питомника среднеазиатских овчарок. Мы такую красавицу с женой держали. Ее даже и учить особенно не требовалось – умница схватывала все на лету. И окрасом на Потапа была похожа. Ведун добавил.

– Учить тебя буду здесь. Место тихое. Детей маленьких и шумных нет. Ходит ко мне, кроме больных, кто-то очень редко. К подружкам жена бегают сама. К нам они не идут, меня боятся – думают сглажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.